

A black and white portrait of King Fahd bin Abdulaziz Al Saud, wearing a traditional white ghutra and a dark thobe. He is looking slightly to the right with a calm expression.

АЛЕКСЕЙ
Васильев

◆
ЛИЧНОСТЬ

◆
ЭПОХА

◆
ВЕРА
◆

Король Фейсал

Алексей Васильев

Король Фейсал.
Личность, эпоха, вера

«Центрполиграф»

2023

УДК 323(532)+327(532)
ББК 66.2(5Сay)

Васильев А. М.

Король Фейсал. Личность, эпоха, вера / А. М. Васильев —
«Центрполиграф», 2023

ISBN 978-5-227-07929-9

Книга посвящена одному из самых выдающихся арабских лидеров XX в., роли личности и духовного начала в политике. Богатый фактический материал позволяет читателю составить собственное представление о герое книги, о его самобытной стране, о переломных моментах ее истории, познакомиться «изнутри» с «исламским фактором», который играет столь важную роль в политической жизни мирового сообщества. Труд А.М. Васильева — и академическое, и литературное произведение, рассчитанное как на специалистов-востоковедов, так и на широкий круг читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 323(532)+327(532)

ББК 66.2(5Сay)

ISBN 978-5-227-07929-9

© Васильев А. М., 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексей Васильев

Король Фейсал. Личность, эпоха, вера

*Памяти Игоря Тимофеева, друга, единомышленника, востоковеда,
писателя*

ИНСТИТУТ АФРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

© Васильев А.М., 2023

© «Центрполиграф», 2023

Пролог

Кругом был свет, свет и свет. Раскаленное медное солнце выжигало землю, хотя настоящее, летнее пекло еще не наступило. Небо казалось не голубым или синим, а белесым, словно выцветшим от зноя, и будто отражало сероватую пустыню, а свет был пыткой для глаз. Но в одной из комнат в большом доме знатного эр-риядского улема Абдаллы ибн Абдель Латыфа, где его дочь мучилась в родовых схватках, стояла полутьма. Наконец появился младенец. Ко всеобщей радости, это был мальчик: в те времена никто заранее не мог знать пол ребенка. Ни врачей, ни акушеров даже в самых знатных и богатых семьях не было. Бабушка новорожденного не стала омыwać его в моче верблюдицы, как это делали бедуинки, а выкупала в теплой чистой воде. Тогда в Эр-Рияде ни у кого не было ни электричества, ни холодильника, но чистой колодезной воды хватало.

Отец мальчика, эмир Неджда Абдель Азиз, известный у себя на родине, а также на Западе и в России под родовым именем Ибн Сауд, подарил гонцу, принесшему радостную весть, теплый плащ – абайю. Был апрель 1906 г. от Рождества Христова, а по мусульманскому календарю – месяц сафар 1324 г. хиджры. Точные даты рождения детей даже в знатных семьях недждийские летописцы, как правило, не называли, а связывали их с какими-нибудь выдающимися событиями. Именно в этом месяце эмир Неджда разгромил своего соперника – джебел-шаммарского правителя Ибн Митаба из рода Ибн Рашидов, погибшего в битве при Раудат Муханна. Эмир вернулся в столицу и через семь дней после рождения мальчика на церемонии в семье своего тестя нарек сына Фейсалом – в честь своего деда.

Спустя почти 70 лет Фейсал, которого называли «самым могущественным за многие столетия арабским правителем», король страны, где разведали четверть запасов нефти планеты и где находится две главные исламские святыни – Мекка и Медина, принимал делегацию из Кувейта под наведенными телекамерами. Неожиданно к нему подошел его племянник, король наклонился, чтобы его поцеловать, но молодой человек выхватил пистолет и трижды выстрелил в упор. Жизнь Фейсала оборвалась.

Сколько событий прошло за эти десятилетия... Его отец Абдель Азиз мечом, отчаянной храбростью, силой духа, воли и веры создал государство, охватившее большую часть Аравийского полуострова. Прогрохотали и залили планету кровью две мировых войны. Ушли в прошлое Германская, Австро-Венгерская, Османская, Французская, Британская империи. Рухнула Российская империя, ставшая коммунистическим Советским Союзом, казавшимся при жизни Фейсала несокрушимым колоссом, равным по военной мощи США – самой могущественной экономической державе мира. Стали обыденным делом самолеты, радио, телевидение, появилось ядерное оружие, человек побывал в космосе и даже на Луне. Было бы наивной претензией даже перечислить важнейшие события, прямо или косвенно повлиявшие и на жизнь Фейсала, и на судьбу его страны.

Автор этих строк решил рассказать о жизни и деятельности Фейсала, о его победах и поражениях, успехах и неудачах, о его личности. Не слишком ли амбициозная задача? Ведь о Фейсале уже написаны сотни книг и десятки тысяч статей¹. Что ж, волей-неволей придется повторять некоторые известные факты. Но, может быть, свой взгляд русского автора, который посвятил изучению Саудовской Аравии и Ближнего Востока много лет жизни, как и обращение к первоисточникам позволят высветить неизвестные стороны личности короля Фейсала и его место в истории.

В годы своей молодости автор избрал историю Саудовской Аравии в качестве предмета научных исследований потому, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин ничего не писали об этой стране. О ней не принимались ни решения съездов КПСС, ни постановления Политбюро ЦК КПСС. Поэтому казалось, что и в советское время можно было свободно высказывать свое

мнение, не будучи скованным официальными догмами. Не будем лукавить: все же труды автора были созданы под влиянием марксистского подхода к обществу и истории. Пусть игнорируя некоторые догмы, если они сталкивались с фактами.

Главное, чего не хватало прежним исследованиям, – пристального внимания к роли личности, которая могла сломать исторический детерминизм силой характера, воли, умом, удачливостью, пламенем религиозной веры. Вот почему жизнь Фейсала представляет собой вызов для исследователя.

Человек оставляет следы своей жизни в документах, воспоминаниях очевидцев, в материальных памятниках. Политические деятели калибра короля Фейсала оставили такой объем свидетельств и документов, что одно изложение их даже в краткой форме заняло бы тома и тома. Отбор фактов отражал позицию автора, его силу и слабость, знания или невежество, его убеждения или, если угодно, предрассудки. Поэтому читатели могут или разделить его взгляды, или отвергнуть их.

Книга «Король Фейсал. Личность. Эпоха. Вера» – о месте и роли личности, человека и лидера в историческом процессе. Поэтому, с одной стороны, порой нарушаешь хронологические рамки его биографии. С другой – обращаешься к фактам и событиям, как будто бы лежащим вне истории самой Саудовской Аравии, но без которых не понять мотивы и логику его поведения.

За жизнеописание Фейсала взялся мой друг Игорь Владимирович Тимофеев, блестящий арабист, русский писатель-востоковед, оставивший книги, посвященные Ибн Баттуте и аль-Бируни. Его последняя работа «Камаль Джумблат: человек и легенда», переведенная на арабский и французский, стала сенсацией и бестселлером в Ливане. Она принесла ему – увы, посмертно – славу и высший орден Ливанской Республики. Тимофеев скончался в возрасте 58 лет в творческом полете. Он планировал написать серию биографий выдающихся деятелей Ближнего Востока.

И сама тема – жизнь короля Фейсала – и долг памяти подвигнули меня на продолжение его труда. Тимофеев собрал множество книг и документов, любезно переданных мне его вдовой Ольгой Тимофеевой. Пропустив через себя этот материал, Игорь Владимирович, по ее словам, уже был готов к тому, чтобы сесть и написать свой труд. К сожалению, даже черновых набросков не осталось, хотя в моем распоряжении оказались его заметки на полях русских, арабских, английских книг и полтора десятка его интервью на аудиокассетах, которые существенно обогащают книгу. Дополнительные интервью, которые мне удалось взять, архивные материалы, собранные в Саудовской Аравии, США и Англии, кое-какие новые книги сравнительно немного добавили к собранной Тимофеевым базовой информации о личности и деятельности Фейсала.

Уходят из жизни современники Фейсала. Стареют те, кто еще жив, слабеет их память, и в беседах с нами они нередко ошибались в больших и малых деталях. Но их свидетельства бесценны, потому что передают личное восприятие атмосферы, аромата того времени. Интервью с ними, цитирование намеренно нередктированных арабских документов позволяют погрузиться в другой мир, с другой системой ценностей, другим менталитетом. Если читатель жизнеописания Фейсала сможет пусть не понять и принять, а хотя бы соприкоснуться с этим отличным от нашего обществом, почувствовать, что невозможно переносить западные, да и российские стереотипы на чужую, пустынную почву Аравии, признать безусловным право ее жителей быть самими собой – тогда можно считать выполненной и сверхзадачу книги.

Мы с Тимофеевым были единомышленниками. Но творческий процесс и подход к теме у каждого из нас были свои. Я помню, что одним из лейтмотивов жизнеописания Фейсала он намечал сделать бедуинскую поэзию – ведь сам король был и поэтом, и ценителем поэзии. Но мой уровень арабского языка, достаточный для чтения газет и исторических книг, не дотягивал

до его владения Игорем Владимировичем, который мог упиваться бедуинскими стихами. Он был филолог, художник и политолог, а я – историк и политолог.

Особенность данной работы – минимальное количество сносок на интервью, цитаты, малоизвестные книги и документы. Этого будет достаточно для широкой публики, а специалисты и знатоки или поверят автору на слово, или обратятся к источникам и литературе на основе библиографии, приведенной в книге. Всю ответственность за точность фактов и цитат, за высказанные оценки несет автор этих строк.

Вряд ли книга была бы завершена, по крайней мере в достаточно сжатые сроки, если бы не помощь Серафима Андреевича Чуканова. Он начинал как референт Тимофеева, а затем согласился сотрудничать со мной. Значительная часть переводов с арабского и английского на русский, некоторые ценные факты и новая литература, найденные им в океане Интернета, подготовка сносок, составление индекса имен, участие в переписке, большой объем всяческой технической работы – все это было его неоценимым вкладом в создание книги. Великолепный перевод на арабский был сделан Хайри ад-Дамином. Слова теплой благодарности хочу адресовать на редкость ответственному редактору Евгению Максимовичу Русакову. Помимо редакторской работы он специально изучил послевоенную историю американо-арабских отношений и помог автору уточнить некоторые факты и правильно расставить акценты, описывая дипломатическую деятельность короля Фейсала.

И конечно, книга просто не могла бы состояться, если бы не помощь принца Турки аль-Фейсала и доктора Даляль бинт Мухаммеду аль-Харби из Университета для девушек в Эр-Рияде, которые взяли на себя труд просмотреть арабскую версию книги и дополнили ее ценными сведениями, за что автор глубоко им благодарен.

Как не выразить глубокую признательность бывшему генеральному секретарю Центра исламских исследований имени короля Фейсала доктору Яхье Махмуду ибн Джунейду и его сотрудникам в подборе документов и фотографий, в организации интервью и встреч в Саудовской Аравии.

Алексей Васильев

Глава 1

Болезненный мальчик на горячей лошади

Фейсал стал третьим сыном эмира Неджда Абдель Азиза ибн Абдуррахмана. Его мать Тарфа была дочерью главного улема Эр-Рияда Абдаллы ибн Абдель Латыфа – прямого потомка вероучителя Мухаммеда ибн Абдель Ваххаба. В XVIII в. свою проповедь единобожия и идеи исламского реформатора он соединил с мечом предка Абдель Азиза, основателя династии – Мухаммеда ибн Сауда. Он и его потомки создали государство, которое охватило почти весь Аравийский полуостров, бросило вызов Османской империи, но рухнуло под ударами армии египетского паши Мухаммеда Али в 1818 г. Оно возродилось на части его бывшей территории под началом имама Турки ибн Абдаллы, а завершил его дело в 40—50-х гг. XIX в. имам Фейсал, дед Абдель Азиза. Однако оно распалось из-за распрей среди его сыновей, чем воспользовался эмират Ибн Рашидов, заняв место Ааль Саудов. Захватив Эр-Рияд в 1902 г., Абдель Азиз начал возрождение государства и славы своих предков. Но об этом будет особый разговор.

Весть о рождении третьего сына эмира Эр-Рияда пронеслась по Вади Ханифа, рядом с которым на плато и стояла столица эмирата. Среди окружающей пустыни, под дном высохшей древней реки (по-арабски – вади) на сравнительно небольшой глубине была вода, а долина Эль-Арид на многие десятки километров представляла собой цепь оазисов. Важную весть можно было быстро передать из конца в конец вади, громко выкрикивая ее соседям. Наверное, феллахи и бедуины кричали друг другу так:

- У эмира Абдель Азиза родился третий сын!
- А кто его мать?
- Тарфа бинт Ааль аш-Шейх!
- А как назвали?
- Фейсалом!

Рождение сына означало радостную весть. И ее сообщил отцу новорожденного эмиру Абдель Азизу один из слуг в доме деда шейха Абдаллы.

На седьмой день в честь рождения внука шейх Абдалла устроил прием, пригласив, конечно, и своего зятя, и именно там отец нарек сына Фейсалом.

«Умудренные старцы Неджда, жившие во времена имама, рассказывали юному Абдель Азизу, бывшему в изгнании в Кувейте вместе со своим отцом, о его деде Фейсале, его отчаянных делах, о его методах политики в отношении людей и государств, и он им сильно восхищался, – пишет саудовский автор Мунир аль-Аджляни. – Он хотел походить на него, гордился, что он – его внук... В счастливый весенний день, когда он сиял надеждой и радостью, Абдель Азиз сказал, глядя на новорожденного: „Я назвал его, с Божьего благословения, по имени его деда: Фейсал“»¹.

Чтобы накормить гостей, а заодно и раздать мясо бедным, закололи несколько барашков (известный в исламе обычай «аки-ка»). Шейх Абдалла прочитал суру «Аль-Фатиха» в ушко младенца, а потом в другое ушко тихонько азан – призыв на молитву. После этого все помолились, а слуга обнес ребенка, показывая его знатным гостям².

Семьи Ааль Саудов и Ааль аш-Шейхов издавна были связаны родственными узами. А брат Абдель Азиза Саад был женат на другой дочери шейха Абдаллы – сестре Тарфы. У них были дети. Другой его брат, Мухаммед, также женился на одной из дочерей шейха Абдаллы.

У Абдуррахмана, деда Фейсала, от разных жен было 11 сыновей, которые не умерли в детстве. Два из них – Абдель Азиз и его брат Мухаммед, как утверждает английский автор де Гори, – родились в тот же самый час, в тот же самый день от различных матерей. Впрочем, официальные саудовские источники оспаривают эту версию, утверждая, что Мухаммед был

немного младше своего сводного брата. У мальчика Фейсала будет 33 младших брата из тех, кто выжил. К моменту его рождения у него было два старших брата – Турки и Сауд – от другой матери.

Тарфа была слабого здоровья, но ее первый ребенок – девочка – умерла уже взрослой.

Через пять-шесть месяцев после рождения Фейсала его мать скончалась. Младенцу нашли кормилицу, а заботу о нем взяла на себя его бабушка.

Говорит Турки аль-Фейсал, сын короля Фейсала: «Маленького Фейсала после смерти матери воспитывала Хайя аль-Микбиль, его бабушка по матери. Ее звали Микбилия, так как она была из рода Ааль Микбиль. Это была известная и уважаемая семья из селения недалеко от Эр-Рияда...»³

Существует легенда, что после смерти дочери она вышла в Вади Ханифа и обратилась ко Всевышнему со страстной мольбой дать сироте достойное будущее. Любопытно, что позже на этом самом месте будут встречать с почестями юношу Фейсала, когда он возвратится победителем из военной экспедиции в Асир.

Мальчик рос у деда по матери. У шейха Абдаллы был просторный большой дом, который назывался Духна. Этот дом был расположен в квартале с тем же названием. Сейчас в нем сохранилась лишь мечеть, в которой он проповедовал. Бабушка Микбилия заменила Фейсалу мать, и он навсегда сохранит к ней любовь. После смерти деда он возьмет ее с собой в Хиджаз, где станет вице-королем, и будет заботиться о ней до самой смерти.

Главное, что почерпнул Фейсал в доме деда, – глубокая религиозность, молитвы, посты, дисциплина поведения и сдержанность в выражениях чувств. Все это было частью повседневной жизни Абдаллы ибн Абдель Латыфа и входило в душу мальчика с малых лет.

Его обучением и приобщением к основам религии занялись всерьез с шести лет, отдав на учебу в школу-куттаб. Она находилась в южной части мечети, где проповедовал его дед. С двух сторон помещение выходило на веранды. По-арабски их называли «мисбах» (множественное – «масабих»), а уменьшительное – «мусайбих» – фонарик. Через них проникали воздух и свет. Учителем был шейх Мухаммед ибн Мархум, которого прозвали Мусайбих по месту расположения школы. И его школу называли «Куттаб Мусайбих».

Саудовские дети, которые в наши дни начинают обучаться на компьютерах лет с шести, даже не представляют себе, как проходили занятия у самых привилегированных из их предков.

Вначале ученикам не давали ни тетрадей, ни досок. Учитель рисовал пальцем на песке буквы арабского алфавита на основе багдадской школы правописания, принятой еще в первые века распространения ислама. Дети повторяли урок. Сами рисовали на песке пальцем буквы. Напомню читателям, незнакомым с арабским алфавитом, что многие буквы пишутся по-разному в начале, конце, середине слова или отдельно. Это, естественно, осложняло обучение. Кроме того, арабский текст предполагает написание, как правило, одних согласных, и чтение слова уточняется значками-огласовками.

Детей учили складывать буквы в слова, ставить огласовки.

Потом появлялись дощечки из дерева смоковницы, на которых учитель чернилами из древесного клея и сажи писал тростниковым пером, заточивая его острым лезвием.

Основой учения было запоминание Корана. Сначала дети учили «Аль-Фатиху», первую суру, затем – другие суры из кратких частей Корана. Преподávalи основы религии. Кто такой Аллах? Кто пророк? Что такое религия? Как молиться? Сколько молитв в день? Что такое закят? Что такое хадж?

Фейсал учился охотно. У него была хорошая память. Он стал декламировать суры Корана наизусть еще до того, как научился читать.

Когда Фейсал завершил изучение Корана, был устроен праздник, в котором участвовал весь город.

Накануне праздника учитель прочитал «Аль-Хатму» – «Завершение Великого Корана», и все дети произнесли «Аминь!».

На следующий день школа «Куттаб Мусайбих» была закрыта. К участию в празднике пригласили соседние школы.

Дети Абдель Азиза и мальчики из других знатных семей учились в разных школах-куттабах. Тогда не было специальной школы для молодых эмиров, их не привозили на автомобилях, и выбор места учебы зависел от близости к дому.

Фейсала, «завершившего чтение Корана», посадили на коня. Его сопровождали другие дети королевской семьи и простые горожане, многие – с саблями. Все были одеты по-праздничному и пели торжественные песни. Процессия тронулась. Распахивались двери домов, и мальчика приветствовали жители. Процессия объехала рынки и прибыла ко дворцу эмира. Отец поцеловал счастливого виновника торжества, дал ему немного денег и сказал: «Сын мой, помолись за меня». Он полагал, что молитва «завершившего чтение Корана» обязательно доходит до Бога. Малыш воздел руки к небу и попросил Аллаха о долголетьи, здоровье и успешной жизни для отца, а деньги потом передал своему учителю. С Фейсалом завершили учение еще два-три ученика, они тоже получили подарки.

После этого процессия с Фейсалом во главе направилась к сестре эмира Абдель Азиза Нуре (которая была женой Сауда, правнука правителя второго саудовского государства Фейсала ибн Турки). Он был одним из старейшин семьи, и его звали Сауд аль-Кабир. Детей там угостили сладостями и покормили.

Но еще за несколько лет до того, как Фейсал «завершил чтение Корана», он прошел через не менее важный обряд в жизни мусульманского мальчика – обрезание. В те годы обрезание в Эр-Рияде делали мальчикам в возрасте от трех до семи лет, но предпочтительно именно лет в шесть-семь. В наши дни предпочитают делать эту операцию во младенчестве, когда ребенка еще кормят грудью.

Говорит Турки аль-Фейсал: «Обрезание ему сделали примерно в семь лет. Тогда собрали много детей, чтобы вместе отпраздновать это событие»⁴.

Обрезание совершил цирюльник, известный под именем Махмуд из Мосула. Он когда-то служил в турецкой армии, но приехал в Эр-Рияд и тут осел. Махмуд занимался народной медициной, обрезанием, кровопусканием, вырывал зубы, естественно без наркоза, и брил мужчинам головы.

В день празднования обрезания нередко устраивалась арда – танец с саблями. Стучали барабаны, стреляли в воздух из ружей, сверкали сабли. В этом танце участвовал и сам эмир. Это был воинственный танец. Обрезание означало инициацию, то есть приобщение мальчика к великой половине человеческого рода – мужчинам.

Отсечение крайней плоти не было очень болезненной операцией, но ребенка отвлекали: «Смотри, кто пришел!» Танец с саблями также отвлекал ребенка от боли. Ранку посыпали пеплом, который останавливал кровотечение. Через 7–8 дней все заживало. Никаких антисептиков в те времена не знали. Операция, бывало, кончалась воспалением, иногда даже приводила к летальному исходу. Но в этом случае все обошлось благополучно.

Обрезание делали утром, когда еще было прохладно. Обычно для этого события предпочитали весну. Эмиры иногда собирали нескольких детей приблизительно равного возраста, в том числе и детей слуг, и всем делали обрезание в один день.

...Изучением Корана завершалось обучение Фейсала в школе. Но в доме деда он нередко сиживал со взрослыми, слушал богословские диспуты, воспринимал основы религии и нормы шариата в формулировках, к которым прибегал в свое время вероучитель Мухаммед ибн Абдель Ваххаб. Он твердо запомнил, что единобожие – это убеждение в том, что Аллах – единственный творец этого мира. Он его Господин, Он диктует ему законы. Из сотворенного Им нет ничего и никого равного Ему, способного к творению. Лишь Аллах обладает способностью

приносить людям добро и отвращать от них зло. В природе нет никого, кроме Аллаха, кто был бы достоин возвеличения или поклонения.

Однако многие в мусульманском мире отошли от этих ясных принципов единобожия. Люди стали наделять способностями и атрибутами Аллаха Его творения. Например, они совершали паломничество к мусульманским святым, давали им обеты, приносили им жертвы, просили о помощи, убежденные, что святые могут сделать добро или отвести зло. К мавзолеям святых также приходили люди, моля об исполнении своих желаний. Люди переносили атрибуты Аллаха даже на растения и камни, что никак не совмещалось с истинным единобожием.

Но раз нельзя «придавать Богу сотоварища» или наделять божественными атрибутами Его творения, то и жертвы можно приносить только Аллаху. Было позволительно взывать о помощи только к Аллаху. Нельзя просить заступничества ни у кого, кроме Аллаха. Ангелы, пророки (посланники Аллаха), праведники, святые не могут быть заступниками перед Богом за грехи мусульман. Можно давать обет только Аллаху. Нельзя чрезмерно почитать праведников, сподвижников Пророка, строить мавзолеи над их могилами, даже чрезмерно ухаживать за могилами, превращая их в места поклонения. Признавая великую миссию пророка Мухаммеда, тем не менее считали, что он был обыкновенным человеком, которого Аллах избрал для того, чтобы нести людям Его слово. Мухаммеду нельзя поклоняться, и у него нельзя ничего просить. У него нельзя просить никакого заступничества. Могилу его можно посещать, но без всяких просьб у него и для него, хотя можно молиться за него Богу и просить его заступничества.

А как править страной, твердо следуя религии? Как правит его отец? И Фейсал находил ответ в словах своего деда. Простой народ должен повиноваться знати, говорил дед. А за мятеж, бунт против эмиров полагаются муки адовы. Но эмиры должны справедливо относиться к своим подданным, заботиться о рабах, слугах, наемных работниках, нельзя забывать, что бедному легче попасть в рай.

Все это сливалось в формулу: «Каждый из вас пастух, и каждый отвечает за свое стадо (подданных). Имам заботится о подданных, мужчины заботятся о своем семействе и стаде, женщины заботятся о доме своего мужа, его детях, его скоте. Мальчик должен заботиться об имуществе своего отца и его скоте, слуга – об имуществе своего господина и его скоте»⁵. Шейх Абдалла учил Фейсала быть добрым и осмотрительным, твердо выполнять данные обещания, быть терпеливым, не лгать, не сплетничать, не быть болтливым, не быть скупым и завистливым.

Аравийский историк Абдель Хамид аль-Хатыб так пишет в своей книге «Справедливый имам»: «Его высочество воспитывался в доме своего деда по линии матери и получил от него различные знания. Начиная с самого юного возраста он рос в атмосфере благочестия и богобоязненности. Он также воспринял от него скромность и чуткость, не терпел напыщенного величия, гордыни, не переносил унижения и слабости»⁶.

«Я спросил однажды его высочество о книгах, которые он любил читать в ранней юности, – пишет аль-Адгляни. – И он ответил: „После Корана и Хадисов это книги по истории и литературе“»⁷.

Автор не приукрашивает и не чернит обстановку, в которой рос маленький Фейсал. И религия, и поведение, и моральные нормы, существовавшие в Неджде, – все это соответствовало обществу, которое жило в другом историческом времени, отличном не только от Европы или Америки, но и от арабских соседей Аравии, скажем, Египта или Сирии. Часы показывали разное историческое время в Эр-Рияде, Каире, Лондоне или Москве. Мы не раз вернемся к этой мысли, повествуя о жизни и деятельности Фейсала.

Однажды Абдель Азиз позвал Фейсала и указал ему на темнокожего мальчугана с широким приплюснутым носом и смысленными глазами. Его звали Марзук ибн Рейхан. «Это будет твой „братишка“, – сказал он. Так называли темнокожих рабов, которые росли вместе с хозя-

ином, играли с ним вместе и становились его телохранителями. В те годы немало африканцев, отправляясь в паломничество, брали с собой детей, которых продавали в рабство, чтобы достать деньги на обратный путь. Во многих богатых семьях Хиджаза и Неджда были черные рабы или рабыни. Но Фейсал даровал Марзуку свободу и обходился с ним как с братом. Так с детства навечно оказались связанными Фейсал и Марзук ибн Рейхан. Именно на него с огромным удивлением будут глядеть в нью-йоркском элитном отеле «Уолдорф Астория», видя, как Фейсал обедает за одним столом со своим черным слугой.

Дети в те годы пользовались большой свободой. До шести-семи лет им разрешали бегать без ограничений босиком, играть с непокрытой головой. Мальчики носили только рубашку. Девочки до известного возраста ходили с открытыми лицами. У мальчиков были длинные волосы, которые заплетали в косички. Когда мальчики становились постарше, они начинали стрелять из рогаток, охотиться на птиц, подражать соколиной охоте взрослых, используя ястребов-перепелятников. Они смело лазали по деревьям, поднимаясь по стволу пальмы с помощью пояса, ловко цепляясь босыми ногами за сучки от обрубленных веток.

Фейсал был слабее своих сверстников физически, но отличался удалью. Мальчишки умели плавать и купались в глубоких колодцах. Фейсал, зажав нос, бывало, прыгал с высоты нескольких метров в глубокий колодец и барахтался там, пока ему не кидали веревку и не вытаскивали наверх.

Самыми близкими друзьями Фейсала по играм были его брат Фахд, который умер во время эпидемии «испанки» после Первой мировой войны, и дядя примерно его возраста Абдалла ибн Абдуррахман, который останется его другом и сподвижником на всю жизнь. Фейсал общался и с другими младшими братьями, которые жили с матерями в отдельных домах, а не во дворце отца. Лишь второй сын Абдель Азиза – Сауд, родившийся в 1902 г., долго жил с матерью во дворце, так как его мать находилась там постоянно. Но Сауда рано женили, и он уже завел собственный дом со слугами.

С малолетства Фейсал много времени проводил с дедом по отцу – имамом Абдуррахманом, к которому был очень привязан. Он сохранил эту привязанность на долгие годы до самой смерти деда. Он видел, с каким уважением и почтением Абдель Азиз, окруженный сам всеобщим уважением и даже боязнью, относился к своему отцу, всегда стоял в его присутствии, садился ниже отца, слушал его советы. Имам Абдуррахман очень любил внука. Во-первых, он был сиротой, во-вторых, рос худеньким, большеголовым и не отличался крепким здоровьем.

А какой радостью для мальчиков были редкие пикники с отцом в садах и пальмовых рощах в окрестностях Эр-Рияда! Рано утром кавалькада направлялась в прекрасный сад Аль-Бадиа, который принадлежал имаму Абдуррахману, или в собственные сады и пальмовые рощи, или в поместья родственников и друзей эмира. Летом в разное время созревали персики и виноград, инжир и гранаты, и можно было неспешно вкушать плоды и предаваться развлечениям и беседам. Журчал ручеек. Все дышало покоем. Мужчины располагались на коврах под навесом из пальмовых листьев или в тени ююбы, завтракали фруктами, пили кофе, беседовали, молились. Дети с криками носились по саду, играли в свои игры, иногда отец подзывал их и из своих больших ладоней обрызгивал водой из ручья, а они с визгом бросались врассыпную.

В пальмовых рощах охотились с ружьями или расставляли сети на птиц. Там водились голуби, перепела и другая дичь. Устраивали различные ловушки, которые могли делать и мальчишки, и радостно демонстрировали свою добычу взрослым.

Иногда семья отца выезжала в пустыню на охоту. Ставили палатки около зарослей тамариска. Взрослые охотились на газелей, а с охотничьими соколами – на дроф. Дети ловили зайцев и охотились на более мелких птиц.

В саду Абдель Азиз позволял себе дневную сиесту. После обильного обеда кавалькада возвращалась в Эр-Рияд, где жители собирались у ворот, чтобы поглазеть на своего эмира и его свиту.

Маленький Фейсал сопровождал отца сначала на лошади, сидя впереди раба, ехавшего верхом, а потом самостоятельно. Он любовался отцом, мощным великаном, который скакал на великолепной кобыле, что принадлежала раньше одному шаммарскому военачальнику. Его пленил недждийский воин и подарил лошадь своему эмиру.

Мальчик с раннего возраста осваивал верховую езду и становился прирожденным наездником.

«Мы воспитываем в себе выносливость, мы должны вынести и преодолеть все тяготы, – говорил Абдель Азиз американскому путешественнику и писателю арабского происхождения Амину ар-Рейхани. – Это наша земля. Это наш образ жизни, наша судьба... Мы должны быть всегда готовы и всегда в хорошей форме. Я приучаю своих детей ходить босиком, просыпаться за два часа до рассвета, мало есть, ездить на лошади без седла. Может быть, нам некогда будет оседлать лошадь. Нужно вскочить на нее и поскакать. Таков Неджд, таков дух Неджда, таковы недждийские условия жизни, особенно Южного Неджда. Мы подобны нашим бедуинам в своем деле. Жители Эль-Касима – торговцы, и они не такие жесткие и храбрые, как люди Эль-Арида или бедуины Эль-Харджа. На юге живут самые жесткие, самые свирепые из бедуинов – бану мура и давасир»⁸.

Фейсал, как и другие дети эмира, бегал босиком, вставал за два часа до восхода солнца, ел простую пищу и ездил на лошади без седла.

Может быть, самая лучшая кобыла была у Турки, первенца Абдель Азиза, старшего сводного брата Фейсала – предмета его восхищения и обожания. Он был замечательным наездником.

Турки родился в 1900 г. Юношей он выделялся ростом, силой, красотой, отчаянной храбростью. Он уже участвовал в военных походах. Когда Турки позволял брату сесть на свою лошадь – без седла и стремян, Фейсал с замиранием сердца пускал ее в галоп, чтобы на виду у всех промчаться вокруг Эр-Рияда.

Говорит Бандар аль-Фейсал: «Король Фейсал повторял: „Никто из нас не сравнится с Турки“. Лично я не знал Турки, но вот о ком король Фейсал говорил с особенным жаром и болью, так это о короле Абдель Азизе и Турки»⁹.

Видимо, глядя на худенького Фейсала, Абдель Азиз невольно сравнивал его с двумя старшими детьми, столь похожими на него самого, – крепышами Турки и Саудом. Они оба были детьми его жены Вадхи из знатного рода Урейир племени бану халид.

В 1918 г. любимой женой Абдель Азиза была прекрасная Аль-Джаухара бинт Мусаид ибн Джиллови, которая родила эмиру двух сыновей – Мухаммеда в 1910 г. и Халида – в 1912-м. ...Мальчики бродили по улицам и базарам родного города.

В Эр-Рияде тогда жило несколько тысяч человек, к которым добавлялись заезжие бедуины и караванщики. Город был обнесен зубчатой крепостной стеной желто-коричневого цвета, которую Абдель Азиз восстановил и укрепил еще в 1902 г. Город назывался Эр-Рияд, то есть «Сады», но на самом деле в нем было очень мало садов. Зато были выложенные камнем глубокие колодцы, главным образом в Батхе, которая представляла собой ответвление плодородной Вадии Ханифа, с ее садами и пальмовыми рощами.

Сам Эр-Рияд стоял в открытой пустыне. Вокруг не было ни нависающих горных хребтов, ни обильной растительности.

Вот описание рынка в Эр-Рияде, оставленное англичанином Дж. Филби (о нем самом мы расскажем позднее): «Рынок был полон народа – покупателей и торговцев. Кто-то продавал кадилницу за 17 пиастров – последняя цена. Бедуин стоял у стада овец, люди подходили, рассматривали их и уходили. Рядом сидела пара женщин, продавая содержимое корзины с тряпьем... Повсюду разгуливали праздные зеваки. Мы прошли вдоль стены Большой мечети к северо-западным воротам, где женщины доставали воду из узкогорлых кирпичных колодцев, которых много на каменном плато, на котором стоит город. Здесь же поили скот. Мы с тру-

дом протиснулись сквозь стадо возвращавшихся домой коз, за которыми на ослике следовал мальчик-пастух»¹⁰.

Дома в Эр-Рияде были, как правило, одноэтажными. Окна в них заменяли треугольные или круглые проемы для воздуха. Летом, в жару, спали на крышах. Лишь резиденция эмира, его дворец-крепость, была трехэтажной. Город построили из местного камня и саманного кирпича-сырца желтовато-коричневого цвета. Мечети представляли собой простые строения с низкими минаретами. Узкие песчаные улочки были завалены мусором и нечистотами. Нечистоты из отхожих мест выводили на стены, и их высушивало солнце и разносил ветер. Внутреннее убранство помещений было без украшений, но на влажной штукатурке ножом вырезали растительные орнаменты, а потолочные балки покрывали геометрическими рисунками – красными, черными или голубыми.

Воздух пустыни был бодрящим, за исключением тех летних дней, когда дул южный ветер или налетала песчаная буря. Тогда становилось трудно дышать, пальмы и вся растительность покрывались серой пылью, которая сохранялась до зимних дождей.

Случались ливни, которые вызывали опасные и бурные сели.

В середине зимы северный ветер приносил леденящий холод, температура падала до нуля, а камни и траву ночью покрывала изморозь. Никакого отопления в домах не было.

Это была земля крайностей. Может, поэтому многие люди здесь уповали на Аллаха более истово, чем где-либо еще.

Вся Аравия, за исключением гор Асира, Йемена и Омана, была пустыней – от Персидского залива до Красного моря. Оседлое население жило поблизости от источников воды и в редких оазисах между Недждом и Хиджазом и в самом Хиджазе. Расстояния были колоссальные. Во времена, когда Аравия не знала ни телеграфа, ни телефона, ни радиосвязи, гонцы на быстроходных верблюдах доставляли послания с побережья до Эр-Рияда за неделю. Огромная территория в начале XX в., как и в середине XVIII в., могла прокормить всего лишь 2–3 млн человек, большинство из которых было кочевниками.

Поездки по пустыне, кочевки, встречи, беседы у костра под куполом черного неба с яркими звездами, помощь друга в тяжелую минуту и глоток воды в иссушающую жару – все это становилось частью восприятия Фейсалом родины.

Аравийские пустыни – это каменистые вадии и черные, словно обугленные, плоскогорья. Узкие ущелья и крутые перевалы. Дымящиеся барханы высотой во много десятков метров. Выжженные равнины. Ветер завивает песок в крутящиеся смерчи, и они танцуют вокруг караванов свою жаркую пляску. В дрожащем, раскаленном воздухе возникают призрачные видения пальмовых рощ на берегах рек – не игра ли это джиннов? – и редкие, занесенные песком полусонные оазисы, похожие на миражи.

Аравия – страна великая по размерам и великая своей историей. Зеленые островки оазисов теряются среди выветренных скал, бескрайних песков и безжизненных пространств. А как палит солнце в пустынях, где нет никакой тени! Сквозь задымленное марево все кажется призрачным и колеблющимся.

В пустыне так трудно сохранить или увидеть жизнь, что радуешься любому ее проявлению. Вдруг появляется нежная светло-зеленая трава там, где ничего не было, кроме песка и камней, или прозрачные ветви акации. И вновь мертвая пустыня. И вдруг – стайки птиц. Откуда они летят? Куда? Порой из жесткого кустарника выскочит заяц, а на песке увидишь свежие следы газели. Несколько закопченных камней, оставшихся от путников, которые разжигали костер и готовили здесь свою пищу. Иногда посредине пустынной долины заметишь колодец, к которому бедуины пригоняют своих верблюдов и коз.

Но кто они, эти бедуины? Дружественные племена, верные эмиру Неджда, или мятежники?

Бедуин представлял собой редкий образец приспособления человека к почти невыносимым условиям враждебной природы. Он появлялся на свет в жалком жилище, под испепеляющим солнцем или в пронизывающий до костей зимний холод. Неопрятная повитуха омывала его тельце в моче верблюдицы, благословляя на священное братство пустыни, и присыпала новорожденного сухим верблюжьим навозом. Если ребенок выживал, а выживал, наверное, один из трех, то все его дальнейшее существование было вызовом нелегкой судьбе. Еще в детстве он усваивал уроки беспощадной борьбы за существование, закалял волю, познавал ничтожество и величие человека в пустыне. Но, несмотря на постоянные невзгоды, самый бедный из бедуинов, который и в самом деле побеждал нужду и суровую природу своим непреклонным духом, почитал себя лучшим из людей и никого не признавал своим хозяином. Для него внешний мир, с его соперничающими и сменяющимися друг друга империями, имел мало значения. Самым страшным преступлением для бедуина была измена товарищу. Его преданность своему роду и племени казалась бесконечной, с врагами он был свиреп и жесток. Чужака, если он – не гость, его имущество, деньги, скот он считал своей законной добычей. Все его эмоции лежали почти на поверхности. Его характер был построен на неукротимом стремлении к свободе. Легкий выпад против его чести и достоинства мог вызвать у бедуина ярость. Он уважал силу. Любой признак слабости он презирал. Однако для него была священна просьба об убежище, и отказать в ней – значило поступиться честью.

Бедуин высоко ценил личную привязанность, не забывая прикинуть, какую выгоду из знакомства он извлечет для себя. Однако ему нельзя было приказывать. Аристократ по своей натуре, бедуин был демократичен в социальных контактах, самоуверен и самодоволен. Он был жаден до денег, но и бесконечно великодушен и был готов поделиться с гостем последним глотком воды, последней горстью риса. Когда он оказывал гостеприимство незнакомцу, которого он никогда не видел и никогда не увидит, он отдавал ему то, в чем сам крайне нуждался.

«Нет сомнений, что жизнь бедуина полна противоречий, – писал Мухаммед Асад, путешественник по Аравии. – Они отличаются как готовностью к насилию, так и образцовыми примерами доброты и щедрости, как склонностью к предательству, так и высшими проявлениями жертвенности. Они веками не знали того, что называют „прогрессом“. Тем не менее это была развитая, зрелая культура, со своей жизненной позицией. Эта культура абсолютно отличалась от всех других культур. Все это надо подчеркивать, чтобы понять, „как“ и „почему“ развивалась аравийская духовная и социальная история»¹¹.

...А как холодны в Аравии ночи зимой, когда колючий ветер как будто кусается и люди прижимаются друг к другу, чтобы согреться! Днем, спасаясь от солнца, они заворачивают платок вокруг лица, а вокруг кружатся хищные птицы в надежде, что кто-то не выдержит долгого пути. И как доказательство этого – изредка попадаются скелеты животных, полусасыпанные песком.

На стоянках бедуины разбивают палатки, каркас которых покрыт тканью из черной козьей шерсти.

В те времена отнюдь не все кочевники подчинялись эмиру Неджда. По ночам лучше было не разводить костров в незнакомом месте. Путники вынуждены были проводить ночи в полусидячем положении, держа винтовку между колен. Но если случалась мирная встреча с караванами или кланами из дружественных племен, люди собирались вокруг костра. Они беседовали о простых вещах: о жизни и смерти, о голоде и пище, о гордости, любви и ненависти, о похоти и ее удовлетворении, о войнах, о пальмах, о далеких странах, о торговле. Гостей угощали полными чашами покрытого густой пеной верблюжьего молока, жирного, густого, особенно в начале весны, когда пустыни после дождей на короткое время покрываются зеленью. А иногда соревновались в импровизации стихов, которую бедуины называют «мрад».

Как и тысячу лет назад, у костров раздавались монотонные мелодии, рожденные во время перекочевков. Под низкими крупными звездами бездонного неба человек ощущал бесконечность и величие океана пустыни.

Но не дай бог путнику остаться в пустыне одному, в разгар песчаной бури, да еще без бурдюка с водой. Солнце, как будто выкованное из красного металла, исчезало за тучами, и на стоянке вас наполовину засыпал песок.

Фейсал на всю жизнь полюбил пустыню, жестокую и прекрасную. И даже став королем, хотя бы раз в день он будет стараться вырываться с верными родственниками и друзьями в пустыню, чтобы глотнуть ее острого воздуха, помолиться, поразмышлять о высоком и важном, набраться бодрости.

Иногда в пустыне устраивали верблюжьи бега, в которых отличались беговые верблюды «оманийя». Это было великолепное зрелище: большое животное, вытянув шею, буквально летело над пустыней. Недаром их называли «пьющими ветер».

У арабов пустыни есть пословица: «Лучшая женщина подобна игривой верблюдице». И все они сходятся на том, что «верблюд – величайший из подарков Аллаха человеку». «Ты дорог для меня, как зеница ока, о мой верблюд! – поют бедуины. – Ты драгоценен для меня, как здоровье, о мой верблюд! Как сладок для моих ушей звон твоих колокольчиков, о мой верблюд! И сладка для твоих ушей моя вечерняя песня!»

Верблюд служил кочевнику живым и мертвым. Из его шерсти ткали плащи, накидки, ковры. Делали тенты и веревки. Молоко и мясо шли в пищу. Из шкуры делали кожи, а кости сжигали. Бедуины употребляли не только свежую верблюжатину, но и мясо, вяленое на солнце. Впрочем, чтобы разжевать его, нужно было обладать такими же крепкими зубами, как у кочевников. Мозги верблюда ели лишь бедуинки, потому что, по местным поверьям, это блюдо делало мужчину слабохарактерным.

Верблюды могли пройти огромные расстояния без глотка воды или же пить солоноватую протухшую воду, утоляя жажду и голод хозяина прекрасным молоком.

В Аравии в донефтяную эпоху богатство человека определялось количеством верблюдов в его стаде. Лошадь была и остается роскошью.

Когда Аллах решил создать лошадь, гласит арабская легенда, он призвал южный ветер и сказал ему: «Я сотворю из тебя новое существо». Он вдохнул в ветер жизнь, и появилась благородная лошадь. Однако она пожаловалась своему создателю: ее шея была слишком короткой, на ее спине не было горба, на котором можно было бы укрепить седло, а ее маленькие копыта тонули в песке. Тогда Аллах создал верблюда. Лошадь задрожала и чуть не упала в обморок, ужаснувшись вида того, кем хотела стать. По этому поводу мы упомянем стих из Корана: «Разве они не посмотрят на верблюдов, как они созданы?»¹²

Скот, кожи, шерсть, масло бедуины продавали в оазисах, чтобы купить риса, который привозили из Индии, и фиников. Для финиковой пальмы нужен жаркий сухой климат и обилие воды. Поэтому говорят: «У нее ноги в раю, а ветви в аду». Финиковая роща с тяжелыми гроздьями желтых и красных плодов – незабываемое зрелище. Но для жителей оазисов, называющих себя «ахль ан-нахль» («люди пальмы»), она прежде всего была признаком достатка и благополучия. Некоторые знатные бедуинские семьи, а иногда и целые племена могли владеть финиковыми рощами в оазисах и сдавать их в аренду феллахам. Финиковая пальма – королева деревьев – вместе с одnogорбым верблюдом-дромадером в донефтяную эпоху стала символом Аравии. Недаром ее графическое изображение перекочевало на герб Саудовской Аравии.

Но вернемся к маленькому Фейсалу.

...Для многих изучением Корана завершалась учеба. Но те, кто хотел учиться дальше, продолжали углубляться в мусульманскую юриспруденцию, в основы религии и становились улемами. Другие, особенно маленькие эмиры, предпочитали осваивать военное искусство – джигитовку, стрельбу, учились различать породы лошадей и верблюдов. Фейсала тянуло к

военным подвигам, к тому, чтобы заслужить одобрение отца. Он был уверен, что когда вырастет, то будет рядом с отцом и в военных экспедициях, и в государственных делах, чтобы служить дому Ааль Саудов и укреплению веры. Он проходил военную подготовку под наблюдением старого воина, преданного Абдель Азизу. Маленькие эмиры носили сабли, которые волочились по земле.

Фейсал с 10–11 лет, оставаясь пока в доме шейха Абдаллы, стал присутствовать на маджлисах – собраниях отца, когда тот был в Эр-Рияде.

Там он усваивал правила достойного поведения, слушал, учился, запоминал. Каковы были взаимоотношения между различными племенами? Кто был дружественно настроен к его отцу, а кто враждебно? О чем были споры между племенами и кому принадлежали пастбища и колодцы? Как соотносились обычное право племен и шариат, кровная месть и грабительские набеги? Собравшиеся обсуждали новости о рождениях и смерти известных людей, о торговле, о дождях, урожаях и засухах. Через Неджд проходили караваны с паломниками, направляясь к святыням Хиджаза, и вместе с ними приходили вести из большого, далекого мира. Караваны шли из княжеств, лежащих на побережье Персидского залива, с товарами из Индии и Ирана или с севера, из Месопотамии. Аравийские арабы водили караваны верблюдов для продажи в Египет и Ирак. Прекрасные арабские лошади вывозились через Кувейт. Их приобретали и турки, и англичане для своей кавалерии.

На маджлисах обсуждали политику больших империй – Османской, которая формально правила в Недже с середины XIX в. и вассалом которой был враг Эр-Риядского эмирата – Джебель-Шаммар, и Британской, под протекторатом которой находились княжества Персидского залива. Аравийские арабы знали, что англичане господствуют и в Индии, и в Египте.

В 1911 г. маленький Фейсал был на встрече отца с английским политическим агентом в Кувейте – капитаном У. Шекспиром.

Что мог запомнить пятилетний мальчик? Шел дождь. Фотографировались. Он впервые увидел иностранца, одетого не так, как остальные люди. Иностранец странно говорил по-арабски. Скорее всего, большего мальчик запомнить не мог. С той памятной встречи остались фотографии, сделанные Шекспиром, в том числе замечательный снимок войска Абдель Азиза с развернутыми знаменами. Эта фотография, обработанная и ретушированная, увеличенная до размеров в несколько квадратных метров, в наши дни украшает зал ожидания во дворце губернатора Эр-Рияда. Может быть, Фейсал запомнил и то, что 25 января 1915 г., когда ему было 9 лет, Шекспир из-за предательства племени ад-жман погиб в бою с шаммарами, в котором тот принимал участие. Абдель Азиз тогда потерпел поражение и был очень опечален смертью этого англичанина, которого он считал близким другом.

...Вера и быт, молитвы и праздники – все переплеталось в восприятии мальчика, становилось единым в радости и горе, в испытаниях и развлечениях. Главными событиями года у мусульман были Рамадан и хадж. Рамадан был и праздник, и испытание крепости духа и веры. Верующие читали Коран или слушали профессионального чтеца, предавались благочестивым размышлениям и молитвам, ибо «молитва лучше, чем сон». Напомню для читателей, что мусульманский пост – полное воздержание от пищи и воды от рассвета до заката солнца.

С самого детства и до последнего года жизни, когда Фейсал стал уже умудренным опытом лидером страны, Рамадан оставался для него и испытанием, очищением от греховных мыслей, и праздником единения со всеми верующими.

Тот Рамадан, что в 1918 г. описал Дж. Филби¹³, выпал на середину лета, когда знойные сухие дни были длинными и пост требовал выносливости и силы духа. Фейсала, которому было тогда около двенадцати лет, отец к тому времени женил. Мальчик считал себя взрослым мужчиной, постился и молился вместе со всей семьей.

Старый имам Абдуррахман полностью отрешался от всех земных дел и все время, за исключением молитвы, сна, еды, посвящал чтению Корана. Ведь именно в месяц Рамадан

священная книга была ниспослана Аллахом пророку Мухаммеду. Отец Фейсала тоже любил почитать Коран. Затем закрывал книгу, почтительно целовал ее и передавал на хранение придворному. Но государственные заботы не оставляли его и в Рамадан, и дважды в день – после утреннего сна и после полуденной молитвы – он принимал посетителей, получал донесения с мест, вел переписку.

С первой световой полоской «ложной зари», которая в летнее время наступает через семь с половиной часов после захода солнца, на флагштоке на крыше дворца зажигалась большая дуговая угольная лампа, и одновременно звучал призыв на молитву. Все просыпались, чтобы подготовиться к наступившему дню. Помолившись, ели и пили до наступления настоящего восхода, который возвещался азанами с различных минаретов. Наступало время второй молитвы, после которой следовал пост – пятнадцать с половиной часов в самое жаркое, сухое и пыльное время года. Сон был естественной защитой для слабых духом. Но Абдель Азиз позволял себе поспать только урывками – после утренней молитвы, перед полуднем и после полуденной молитвы в дополнение к трем-четырем часам ночного сна.

Примерно за четверть часа до захода солнца он вместе с семьей и близкими поднимался на крышу дворца. Они ожидали первых звуков азана, возвещавшего заход солнца. Каждый мужчина держал между указательным и большим пальцем финик и повторял фразу «Астагфиру Аллах» («Прости меня, Господи»). Финик отправляли в рот с последними словами азана, означающими окончание поста, затем пили воду. Тотчас на крышу слуги выносили большие подносы с нарезанными арбузами. (В Недже выращивали огромные ароматные и сладкие арбузы.) Следовала молитва на закате, после которой подавали обильный ужин.

Отужинав, мужчины расходились по своим покоям, чтобы пообщаться с женами и детьми, а затем вновь собирались вместе в дворцовой мечети для вечерней молитвы. Следовало чтение Корана, а после небольшого перерыва наступала очередь молитв, известных как «таравих» – особые молитвы о спасении души от окружающих ее опасностей.

7 июля 1918 г., или 28 Рамадана 1336 г. по мусульманскому календарю, все с нетерпением ожидали появления луны, что означало конец поста. Незадолго до захода солнца многие горожане поднялись на крыши домов, чтобы попытаться увидеть месяц над зубчатой кромкой горы Тувайк, отчетливо выделявшейся в лучах заходящего солнца. Среди них было много женщин, так как считалось, что зрение у них острее, чем у мужчин. Когда опустилась темнота, они так и не увидели луны на небосводе, что означало продолжение поста на следующий день. Однако, когда многие уже заснули, около двух часов ночи раздался выстрел пушки. Оказалось, что в город прискакал бедуин из соседнего племени и сообщил, что его соплеменники увидели молодой месяц. Его направили к главному шейху Абдалле, деду Фейсала, который без промедления созвал совет и вынес решение, что пост завершен, а наступающий день будет отмечаться как ид аль-фитр – праздник разговения, известный в России как Ураза-байрам. Радость и ликование людей трудно было описать словами.

В полшестого утра, еще до восхода солнца, на улицах уже было полно празднично одетых горожан. В лучах восходящего солнца клубилась взбитая ногами пыль, слышалось блеяние коз и овец. Мужское население города потянулось на площадь у северо-восточных ворот дворца, где прошла праздничная молитва. Служба началась с восходом солнца и завершилась обращением Абдель Азиза к народу. Затем толпа устремилась во дворец, где гостей ожидало множество подносов с рисом и бараниной. Люди приходили один за другим нескончаемой вереницей. Затем направлялись в зал, где эмир принимал от подданных знаки внимания и почести. В честь праздника слугам во дворце раздали подарки.

5 августа 1918 г. Абдель Азиз выступил в поход против Хаиля. В войске, по оценке Филби, было не больше 5 тыс. человек на верблюдах и конях. В свой поход эмир взял сыновей – Сауда, Фейсала и Фахда. Старший – Турки – уже командовал передовым отрядом. Сауд тоже принимал участие в боях, а малолетних – Фейсала и Фахда – оставили в тыловом лагере.

Попечительство над малолетними принцами Фейсалом и Фахдом было доверено одному из телохранителей Абдель Азиза – Сааду аль-Ямани, который служил эмиру с 1904 г. Он был отважным воином и откровенным, приветливым человеком.

Фейсал в походе всем интересовался. Он заметил, что воины его отца были вооружены или короткоствольными, или длинноствольными английскими ружьями. Иногда воины спиливали стволы, становилось удобнее обращаться с винтовкой, но обрезы теряли точность стрельбы. Самым популярным оружием был карабин «энфилд» с короной на ложе, отчего его называли «Умм тадж». Он ценился выше других. На втором месте шел маузер, который в зависимости от вместительности магазина называли «Умм ашара», то есть десятизарядный, или «Умм хамса» – пятизарядный.

В этом походе Фейсал глотнул порохового дыма, когда часть обоза, где он находился, подверглась внезапному нападению неподалеку от Ятиба. Шаммары отступили после боя, потеряв убитыми человек десять. В этой стычке рядом с Фейсалом находился его военный наставник и телохранитель Саад аль-Ямани.

Когда в лагерь прискакал Абдель Азиз с вооруженным эскортом, мальчики вышли приветствовать отца и поцеловали его в кончик носа, затем заняли свои места в палатке, с приличествующими событию торжественностью и степенностью. Абдель Азиз спросил их о здоровье, как если бы это были уважаемые гости, а не его малолетние сыновья. Это было частью воспитания, чтобы учить детей хорошим манерам и умению вести себя.

Фейсал рос, впитывая в себя и религиозные основы, и знания о стране, и любовь к ее пустыням и ее людям, и преданность своей семье и истории своего рода. Но все его чувства были сосредоточены на отце, личность которого доминировала над всем. Он хотел служить отцу, быть рядом с ним, делать с ним одно дело, чтобы заслужить его поощрение и одобрение. И здесь мы подходим к тому, без чего нельзя понять ни личной жизни Фейсала, ни его судьбы как политического деятеля, ни истории страны. Мы должны рассказать о его отце. Именно в тени этой гигантской фигуры Фейсалу предстоит жить и работать, именно его наследником в новых условиях ему предстоит стать, хотя для этого пришлось после смерти отца ждать одиннадцать лет, пока с политической арены не ушел его старший брат Сауд.

«Мой покойный отец Абдель Азиз – вот моя школа, мой маяк, по которому я ориентируюсь и храню его путеводное наследие, – передает аль-Адждяни слова самого Фейсала. – Он моя подлинная школа... Оттуда, из куттаба, я вышел и поступил в настоящую школу, где учителем был мой покойный отец Абдель Азиз, под крылом которого я воспитывался и рос. Я познавал опыт жизни благодаря его наставлениям. Он был моей школой, откуда я черпал мои уроки и опыт»¹⁴.

Жизнь Абдель Азиза знают наизусть саудовские дети и, пожалуй, все население Саудовской Аравии. О нем немало слышали другие арабы, но и для русского, и читателя на других языках нужно еще раз рассказать о нем, о его незаурядной личности, главных событиях его жизни.

О нем опубликовано по крайней мере полтысячи книг. Автор этих строк также посвятил Абдель Азизу немало страниц в своих трудах. Напомню читателям о нескольких, пожалуй лучших, работах неаравийских авторов, посвященных ему. Речь идет о книгах Г.К. Армстронга, Даниэла ван дер Мелена, Дж. Филби и Амина ар-Рейхани. Пожалуй, выше всех можно поставить книгу Армстронга «Ибн Сауд, повелитель Аравии», опубликованную в 1936 г. Он дал художественный образ Абдель Азиза, который точнее характеризовал его личность, чем сухие описания или академические исследования, не говоря об обычных панегириках. Его книга написана увлекательно, хорошим литературным языком. Ее достоинство и в том, что, за исключением мелких ошибок и неточностей, она полностью соответствует фактам.

Итак, расскажем об Абдель Азизе ибн Абдуррахмане аль-Фейсале Ааль Сауде, отце героя нашего повествования Фейсала.

Глава 2

Отец

Деду Абдель Азиза эмиру Фейсалу ибн Турки Ааль Сауду, бежавшему из египетского плена в 1843 г., удалось в середине XIX в. возродить эмират на территории Неджда и Эль-Хасы. Когда он умер в декабре 1865 г., у его свежей могилы началась борьба за власть между сыновьями. Воспользовавшись этим, правители вассального, но набиравшего силу эмирата Джебель-Шаммар, лежащего на севере Неджда, сбросили символическую зависимость от Эр-Рияда. Эмир Джебель-Шаммара Мухаммед ибн Рашид установил свою власть над всем Недждом, направив в 1887 г. в Эр-Рияд своего губернатора, а Эль-Хасу захватили турки. Джебель-Шаммар признавал сюзеренитет османского султана, но турецких войск в княжестве не было.

Младший сын Фейсала Абдуррахман пытался в 1890 г. освободиться из-под власти шаммаров, но потерпел поражение.

Вместе с сыновьями Абдель Азизом и Мухаммедом, которым тогда было по 10 лет, и другими родственниками Абдуррахман нашел убежище в племени аль-мурра (бану мурра), кочевавшем у самой кромки великой аравийской пустыни Руб-эль-Хали. Мать Абдель Азиза и другие женщины семьи позднее направились в сопровождении Абдель Азиза на Бахрейн под покровительство тамошнего шейха.

Жизнь среди аль-мурра была тяжелой, полной лишений. Эти бедуины постоянно находились на грани гибели от голода. Питались финиками и верблюжьим молоком, изредка могли подстрелить газель, зайца или дрофу. Они ели даже мясо ящериц и горных крыс, что считалось запретным для верующих мусульман, да и в целом небрежно относились к выполнению требований ислама. Но они были смелыми, воинственными, жестокими воинами и наводили ужас на караваны.

Абдель Азиз мальчиком и подростком усвоил уроки выживания и войны в пустыне. Он спал под открытым небом, участвовал в набегах и охоте, мог по следам определить, кто и когда прошел через какую-то местность. Он научился ухаживать за верблюдами, преодолевать верхом огромные расстояния, имея для пропитания только небольшой мешок фиников и бурдюк кислого молока.

В это время у его отца Абдуррахмана появился шанс сыграть по старым законам борьбы в пустыне. Османский вассал эмират Джебель-Шаммар, установив господство над всем Недждом, резко усилился. Это не устраивало турок. Им нужен был противовес Ибн Рашидам, чтобы держать вассала на коротком поводке, чтобы он был слабым и постоянно в них нуждался. Точно так же рассуждал враг шаммаров – шейх Кувейта Мухаммед, который не хотел повторить судьбу Ааль Саудов, потерявших свои владения под ударами Ибн Рашидов. В 1893 г. он пригласил Абдуррахмана с семьей в Кувейт, а турки выделили бывшему правителю Неджда небольшое содержание – 60 золотых лир в месяц.

Семья Абдуррахмана стала жить в одноэтажном трехкомнатном доме с внутренним двориком. Она оказалась в униженном положении гостей на содержании. Абдель Азиз бродил по узким улочкам глинобитного городишка Эль-Кувейта, пил кофе с друзьями, посещал порт и базары. Слушал и запоминал рассказы отца о великом прошлом их семьи. Он молился и мечтал о великом будущем. Его буквально разрывала изнутри энергия и желание покончить со своим положением изгнанника, мечты о возвращении славы предков, о восстановлении государства Ааль Саудов, созданного полтора века назад. Он усваивал и руководствовался положениями веры, полученными еще в Эр-Рияде от шейха Абдаллы ибн Абдель Латыфа Ааль аш-Шейха, на дочери которого он женится после взятия Эр-Рияда и которая родит ему Фейсала.

Кувейт в конце XIX в. стал одним из центров интриг великих держав. У Германии вызрел план прорыва к Персидскому заливу, который Великобритания считала своим внутренним озером, с помощью строительства Багдадской железной дороги с выходом на Кувейт. Смутные планы такого же рода вынашивала и царская Россия. В самом Кувейте в правящей семье произошёл раскол. После того, что мы сегодня назвали бы кровавым государственным переворотом, в 1896 г. власть взял шейх Мубарак Ааль Сабах. В 1899 г. он тайно принял английский протекторат, чтобы защитить себя от тяжелой руки турок.

Мубарак жил какое-то время в Бомбее, стал курить, пристрастился к «роскоши» (по арабским понятиям), у него были затянутые парчой кресла и карета на выезд. Бывало, он приглашал из Басры танцовщиц и музыкантов, чтобы развлечься. И танцы, и музыка, и табак, и картины в его доме, особенно изображения женщин, и «роскошь» в одежде и мебели, помпа, с которой он выезжал, – все это было чуждо для глубоко религиозного Абдуррахмана. Но его сын Абдель Азиз подружился с Мубараком, называя его «вторым отцом». Шейх Кувейта приглашал его на свои государственные маджлисы, где юноша знакомился с новыми идеями, новыми лицами, привычками, образом мыслей. Он видел иностранцев – купцов, путешественников, французов, англичан, русских и немцев. Он наблюдал, как Мубарак – этот гроссмейстер арабской дипломатии и политики – обращается с ними.

Для Мубарака Ааль Сауды были не просто гостями, но военными союзниками. В 1900 г. кувейтцы вместе с воинами Аб-дуррахмана и союзными с ним бедуинами выступили против Джебель-Шаммара, где правил Абдель Азиз ибн Митаб ибн Рашид. (Чтобы читатель не запутался в похожих именах, мы будем называть его Ибн Митабом.) Сын Абдуррахмана Абдель Азиз с небольшим отрядом захватил город Эр-Рияд, но цитадель взять не смог. Основные силы Мубарака и его союзников в феврале-марте 1901 г. потерпели поражение в битве при Эс-Сарифе. Абдель Азиз ибн Абдуррахман, спасая себя и свой небольшой отряд, вынужден был вернуться в Кувейт. Английский военный корабль обстрелял войско Ибн Митаба, осаждавшее Эль-Кувейт, и оно ушло в пустыню. Военные действия против Ибн Митаба казались безнадежным делом.

Для всех, кроме Абдель Азиза.

Он уговорил Мубарака помочь ему. Тот дал ему 30 верблюдов (некоторые из них были больны чесоткой), 30 винтовок с патронами и 200 риалов золотыми монетами.

В середине 1901 г. Абдель Азиз оставил с отцом двух жен и своего первенца – сына Турки. Собрав примерно 40 своих родственников и друзей, среди которых были его брат Мухаммед и двоюродный брат Абдалла ибн Джилуви, он отправился в поход, готовый погибнуть или победить. В надежде на добычу к нему по пути присоединились несколько тысяч бедуинов. Но успехов не было, и бедуины покинули его. Кочевники и жители оазисов боялись гнева Ибн Митаба и не решались на восстание. Может быть, это и предопределило успех его авантюры, так как его крохотный отряд сумел передвигаться, не привлекая внимания противника.

После всех неудач Абдель Азиз собрал своих людей и сказал, что пойдет до конца. Тот, кто хочет его покинуть, может уйти, тот, кто хочет рискнуть вместе с ним, пусть останется. С ним осталось 30 верных родственников и друзей и 10 жителей Эр-Рияда.

Все обстоятельства как будто были против Абдель Азиза.

Однако Абдель Азиз решил рискнуть еще раз и 12 января 1902 г. появился в окрестностях прежней столицы Ааль Саудов.

Отдохнув в небольшом оазисе, он оставил в нем отряд своих людей с верблюдами и лошадьми, дав им указание бежать, в случае если он не вернется к утру. Остальные направились к полуразрушенным стенам города. Темной ночью воины во главе с Абдель Азизом перелезли через стену в районе ворот Шумейси и пробрались в дом к своему стороннику Ибн Джувейсиру, который жил рядом с домом шаммарского губернатора Аджляна ибн Мухаммеда. Аджлян был женат на одной из жительниц Эр-Рияда и посещал ее днем, но ночи предпочитал

проводить в крепости Эль-Мисмак с гарнизоном, насчитывающим примерно 80 человек. Ибн Джувейсир накормил Абдель Азиза и его воинов, и затем они направились в дом, где находилась жена Аджляна. Самого губернатора там не нашли, но его жену и родственницу заперли в одной из комнат. Абдель Азиз послал за своим братом Мухаммедом и его маленьким отрядом, оставленными за городом. Все собрались в доме. Жена Аджляна сказала, что губернатор мог прийти к ней после утренней молитвы, и они решили ждать. Напряжение в горстке воинов, которые уже явно чувствовали авантюризм своих действий, достигло предела.

Наступило утро 15 января 1902 г. Наконец Аджлян с небольшой охраной появился из дверей крепости. Абдель Азиз и его воины открыли огонь и бросились на губернатора. Шаммары попытались бежать. Лишь в самый последний момент Абдалла ибн Джиллови убил губернатора уже в крепости Мисмак, которая стала знаменитой туристической достопримечательностью Эр-Рияда. Предание гласит, что в воротах крепости застряло острие копья Абдель Азиза, а на ее стенах сохранилась кровь Аджляна.

На самом высоком минарете мечети Турки ибн Абдаллы, деда Абдель Азиза, появился муэдзин и возвестил: «Власть принадлежит Аллаху, затем – Абдель Азизу!»

Воспользовавшись фактором внезапности, воины Абдель Азиза расправились с шаммарским гарнизоном, находившимся в крепости, а затем перебили тех из них, кто был в городе. Два десятка шаммаров, запершихся в башне крепости, были отпущены под честное слово. Молодой эмир потерял только двух человек убитыми и трех ранеными. Дерзкий, отчаянный, почти самоубийственный, безрассудно храбрый захват Эр-Рияда создал ореол удачи и победы вокруг Абдель Азиза. Мальчик Фейсал слышал рассказ об этом подвиге десятки, если не сотни раз.

Эр-риядцы принесли присягу на верность Абдель Азизу, который немедленно стал укреплять стены столицы. Когда Ибн Митаб узнал о падении Эр-Рияда, он пришел в ярость и поклялся отомстить своим традиционным врагам. Тем временем к Абдель Азизу подошло подкрепление, посланное из Кувейта, – 70 бойцов во главе с его другим братом – Саадом. До прихода шаммаров молодой эмир успел расширить контроль над территорией вокруг столицы.

Абдель Азиз встретил с почетом отца, прибывшего из Кувейта. Взаимопонимание между сыном и отцом было полным. Аб-дуррахман передал все главные политические и военные дела в руки сына, оставшись имамом мусульман и главным советником Абдель Азиза. Сын оказывал знаки беспредельного уважения и любви к отцу.

Воспользовавшись передышкой, предоставленной ему шаммарами, Абдель Азиз стал наносить удары по всем направлениям. В Южном Неджде Абдель Азизу помогло племя дава-сир, знать которого была связана с ним родственными узами. Он перемещался из оазиса в оазис, из племени в племя. Он вдохновлял людей на борьбу, уговаривая глав оазисов и племен присоединиться к нему, споря с ними, убеждая их. Он спал настолько мало, что иногда просто падал на землю где-нибудь в палатке, чтобы отдохнуть два-три часа. Наконец, при Диламе он смог разгромить превосходящие силы Ибн Митаба. Возврат Эр-Рияда был авантюрой, которая удалась. На этот раз шаммары были разгромлены в открытом бою. Последовали новые сражения.

Абдель Азиз проявил себя сильным военачальником, который просчитывал действия свои и своих врагов на много шагов вперед. Когда весной 1903 г. Ибн Митаб осадил Эр-Рияд, Абдель Азиз находился близ Кувейта. Он не поспешил на помощь отцу, защищавшему укрепленную столицу, а продвинулся в Эль-Касим на север, угрожая путям снабжения противника. Узнав об этом, Ибн Митаб снял осаду и быстро отошел, чтобы оказать помощь своим силам на севере. В 1904 г. Абдель Азиз уже контролировал Неджд примерно на 100 километров к северу от Эр-Рияда.

Шла война не только двух аравийских эмиратов. Было и личное соперничество между Абдель Азизом и Ибн Митабом. Правитель Джебель-Шаммара был невысокого роста. Он отличался грубостью, нетерпимостью и жестокостью. Его не любили, но боялись. Он понимал

только силу. Он сражался за добычу и был разрушителем, а не созидателем. Но он был очень храбрым и опытным воином.

Абдель Азиз – человек гигантского роста – казался полной противоположностью своему сопернику. Он добивался расположения племен. Он знал, как потрафить их гордости и как пренебречь их недостатками. Он обладал качествами, которыми арабы восхищались. Он был бесконечно щедрым и «демократичным», осыпал подарками своих сторонников. Он был великий мужчина, великий любовник и отчаянно мужественный воин. Несмотря на свое строго мусульманское воспитание, он любил шутки и смех. Кроме того, он был молод, полон религиозного рвения и энергии, а соперник уже старел. Абдель Азиз завоевывал не для разрушения, а для наведения порядка и обеспечения безопасности. Он не грабил, а брал военную добычу, распределяя ее по справедливости между воинами. Но он должен был быть беспощадным.

Г. Армстронг передает рассказ о том, как Абдель Азиз захватил в плен Убейда, одного из родственников Ибн Митаба. Когда пленного привели к нему, он спросил, не сходя с коня: «Это ты, Убейд ибн Рашид, убил моего дядю Мухаммеда в Эр-Рияде?» Он вытащил саблю, которую подарил ему его отец, не торопясь, подержал ее в руке. «Не убивай меня, о Абу Турки!» – воскликнул Убейд. «Сейчас нет места для жалости, – ответил Ибн Сауд, – я должен совершить справедливость, а справедливость – это возмездие за убийство». Он опустил саблю на голову Убейда, ударил снова и разрубил третьим ударом его грудь, где еще билось сердце. Он поцеловал свою саблю, вытер ее и задвинул в ножны¹.

В истории легенда не менее важна, чем сам факт. Не важно, состоялся ли подобный разговор между эмиром Эр-Рияда и его пленником. Ведь, по некоторым данным, Мухаммед, дядя Абдель Азиза, не был убит, а умер от болезни. Но важно то, что врагов Абдель Азиза настигало возмездие, и это должны были знать все.

Однако быстрый успех Абдель Азиза не устраивал турок. Противовес Джебель-Шаммару – да, самостоятельный, сильный Недждийский эмират – нет. Они решили вмешаться.

В июне 1904 г. турецкий отряд – примерно 2 тыс. штыков с шестью орудиями – был направлен из Басры в Неджд. В одном из сражений эмир Эр-Рияда был тяжело ранен. В поражении он проявил ту же силу духа, что и в победах. Он смог восстановить свое войско, собрав и кочевников, и оседлых, и переломить ход военных действий. И Ибн Митаб, и турки были разгромлены. Несмотря на молодость и упоение победой, Абдель Азиз был мудр. Он понимал, что не может бросить вызов Османской империи. Уже тогда молодой лидер умел ждать, когда придет его час. С помощью отца и шейха Кувейта Мубарака он решил помочь туркам сохранить лицо. Абдуррахман написал письмо губернатору Басры, утверждая, что во всем виноваты шаммары, которые втавили турок в столкновение с его сыном. Был достигнут компромисс. Турки послали небольшие гарнизоны в города Эль-Касима – Бурайду и Анайзу, где в воскресных (пятничных) проповедях стало упоминаться имя султана. Но одновременно они признали Абдель Азиза правителем Неджда.

Новые турецкие войска, посланные из Багдада и Хиджаза, вынудили недждийцев на словах признать сюзеренитет султана. Тем временем восстание в Йемене заставило турок перебросить туда часть войск из Неджда. Османские гарнизоны быстро таяли в результате болезней и дезертирства, и в 1906 г. они были вынуждены эвакуироваться в Хиджаз и Ирак. Из посланных за два года 4,5 тыс. солдат вернулось менее 1 тыс. Это было полным поражением. По словам летописца Сауда ибн Хизлюля, когда османские войска покинули Эль-Касим, «они еще были за это благодарны». Они ушли из Неджда навсегда.

Но еще до их ухода 13 апреля 1906 г. произошло сражение войска Абдель Азиза с Ибн Митабом.

На рассвете саудовцы атаковали лагерь Ибн Митаба, обстреляв его предварительно из пушек. Правитель Хаиля стал метаться, пытаясь восстановить порядок. Он пробился к знамени Ааль Рашидов, которое уже попало в руки воинов Абдель Азиза. Думая, что это его люди, Ибн

Митаб прокричал им что-то на шаммарском диалекте, был опознан и сразу убит. Шаммары в панике бежали. Воины Абдель Азиза отрубили голову Ибн Митабу и показывали ее в Бурайде и Анайзе. Таков был конец храброго военачальника, но неудачливого политика, смерть которого открыла период нестабильности в Джебель-Шаммаре.

Абдель Азиз был сыном своего времени, своих социальных условий, своих традиций, менталитета, своих понятий о чести, великодушии, жестокости. Проиграв он битву, с ним поступили бы точно так же.

Именно в этот месяц родился третий сын эр-риядского эмира Фейсал.

Отправляясь в поход, Абдель Азиз никогда не брал с собой постель, и лишь впоследствии ему везли в обозе железную кровать. Он спал на ковре, брошенном на песок. Когда он ложился, то всегда рядом с собой клал саблю. Иногда, опасаясь предательского удара, он даже не лежал, а полусидя дремал, положив подбородок на руки, а руки на эфес сабли, которая была воткнута в песок. Он всегда был начеку, хотя его окружали телохранители. Его лошадь всегда стояла рядом с палаткой, и он был готов вскочить на нее и скакать без седла и уздечки. Его образ жизни превратил его тело в сгусток мускулов и сухожилий. Он ел и пил как придется и впоследствии страдал от желудочных расстройств и от раны в живот.

Его энергия казалась бесконечной. Он работал день и большую часть ночи. Сидя у входа в палатку, он беседовал с теми, кто к нему приходил, выслушивал жалобы, разрешал споры. Ему приносили донесения и новости. Он прекрасно знал свою страну, историю племен и оазисов, жизнь горожан и бедуинов. Он знал, как разбивать лагерь, организовывать поставки питания, добывать фураж. Его приказы были осмысленны и разумны. Но даже в самых тяжелых ситуациях он никогда не забывал совершать пятикратные молитвы.

В военных походах, особенно в битвах, он был возбужден, его глаза сверкали, но он не терял при этом холодного рассудка. Все вокруг него выматывались, как выматывался и он сам. Он загонял себя до изнеможения. Но после победы над Ибн Митабом ему предстояло ждать еще долгих пятнадцать лет, прежде чем он присоединил Джебель-Шаммар.

Шаммары еще не были сломлены. Взять Хаиль, победить шаммаров в их собственной стране Абдель Азиз пока не мог. Они оставались угрозой, но не смертельной. В семье Ааль Рашидов начался раскол. Это еще больше ослабляло враждебный эмират. Вождя, даже отдавленно равного Абдель Азизу, семья Ааль Рашидов выдвинуть не смогла.

Таковы были первые годы деятельности Абдель Азиза после возвращения в Неджд. Они стали легендой. И мальчик Фейсал рос в атмосфере поклонения отцу, восхищения его славой, мужеством, доблестью.

Абдель Азиз тогда был в расцвете сил. Огромный, мощный, сухощавый, подтянутый, он был признанным предводителем с репутацией мужественного воина, с ореолом победы, которая шла за ним. Он был военачальником, который нанес поражение туркам, освободил Неджд от Ааль Рашидов, добился успеха благодаря своему уму, мужеству, красноречию, умению руководить. Он был мощным мужчиной, который вступал в многочисленные браки, что увеличивало его популярность. Но об этом впереди.

Однако материальные возможности эмирата были слишком скудны для поддержания устойчивого правления. Все понимали, что бедуины не признают власть нового хозяина, если он запретит им проводить набеги и не даст ничего взамен. Они присоединялись к Абдель Азизу не потому, что были преданы его семье, а потому, что рассчитывали на добычу в победоносных походах. Правитель Неджда запрещал им совершать набеги без своего позволения и беспощадно наказывал всех, кто ему не подчинялся. Бедуины были готовы изменить ему в любой момент и всегда пытались ускользнуть из-под его контроля.

Абдель Азиз находился под постоянным наблюдением окружающих, под оценивающими взглядами улемов, которые считали только себя хранителями ортодоксии. Может быть, это его задевало, но он никогда не показывал своего раздражения. Конечно, он был искренним

мусульманином, он молился, постился, занимался благотворительностью, как истово верующий. Он не пил и не курил. Не носил роскошных одежд. Но все-таки улемы ему не совсем доверяли. Он был веселым и мог смеяться, хотя они считали это предосудительным. Он позволял своим бойцам петь во время походов. В политике он был прагматиком. Обнаружив, что некоторые жители Анайзы курят, он не наказал их, хотя с точки зрения ортодоксии должен был это сделать.

Абдель Азизу помогало родство с семейством Ааль аш-Шейха и репутация его отца Абдуррахмана. Имаму улемы доверяли. Большую часть времени он проводил в молитвах, в чтении религиозных книг, отличаясь крайней набожностью. Он служил как бы связующим звеном между сыном и улемами, если в этом была необходимость.

Новый удар пришел с неожиданной стороны. Усиление Недждийского эмирата не устраивало шейха Мубарака по тем же причинам, что и турок. Прежний союзник и покровитель Абдель Азиза, которого он называл в письмах «отцом», стал интриговать против него.

Между Кувейтом и Недждом лежали земли, где закрепилось племя воинственных мутейров. Мубарак установил связи с шейхом мутейров Фейсалом Ааль Давишем и склонил его к союзу с Ааль Рашидами.

Осенью 1907 г. произошла битва недждийского эмира с шаммарами и мутейрами при Тарафийе, во время которой его лошадь была убита, а сам он упал, сломав ключицу. Битва не дала перевеса ни одной из сторон. Можно себе представить мучения Абдель Азиза, лежавшего без сна и корчившегося от боли в своей палатке. Ведь никаких обезболивающих средств он не знал. Но утром, преодолев дикую боль, он повел своих воинов в атаку. Шаммары бежали. После этого он атаковал мутейров и разрешил своим воинам грабить и сжигать их селения вплоть до границ Кувейта, захватывать палатки и скот. Он преследовал мутейров, пока они не приползли просить пощады.

Тем временем в 1907 г. в Стамбуле взяли власть «младотурки». Они попытались укрепить свои позиции в арабских странах, в частности в Хиджазе, где находились священные города Мекка и Медина, и стали строить железную дорогу из Дамаска в Медину. В 1908 г. шерифом Мекки и правителем Хиджаза был назначен Хусейн ибн Али, потомок пророка, который долгое время жил с семьей в Стамбуле и считался «своим». Ему было уже за пятьдесят. Он хорошо знал, как вести дела с турками. Но был упрямым, подозрительным и бесконечно честолюбивым.

За два года правления шериф Хусейн постарался доказать Высокой Порте свою преданность, совершив поход в Асир, в то время как турки были заняты подавлением восстания имама Яхьи в Йемене. Хусейн завоевал провинцию Асир для своих хозяев и вернулся в Мекку через оазисы Биша, Ранья и Тураба, лежащие на границе Неджда, утвердив над ними свою власть.

В конце лета 1910 г. шериф, собрав бедуинское ополчение, вторгся в Неджд. По пути ему удалось случайно пленить брата Абдель Азиза – Саада.

Абдель Азиз готовился к действиям против хиджазцев, когда узнал, что у него за спиной началось восстание, которое возглавили его двоюродные братья, сыновья Сауда, брата и соперника его отца, который когда-то правил в Эр-Рияде. Они опирались на мощное и воинственное племя аджманов, со знатью которого породнились.

Абдель Азиз никогда не бился головой об стену. Он понимал, что, если у него за спиной восстание, он не справится с ненавистным Хусейном. Поэтому, проглотив гордость, он быстро заключил с ним мир, заплатил выкуп за Саада. Абдель Азиз обещал выплачивать султану 6 тыс. риалов в год и подтвердить формальный сюзеренитет турок над Недждом. После этого Саад был освобожден, и Хусейн вернулся в Мекку. Эр-риядский эмир, однако, не собирался выполнять условий соглашения, не платил никакой дани, и признание сюзеренитета султана оставалось на словах.

После заключения мира с шерифом Мекки Абдель Азиз направился в Эль-Харик, чтобы подавить там восстание. Все захваченные члены клана Ааль Хаззани, участвовавшие в мятеже, были казнены. Но главу восстания, своего двоюродного племянника Сауда ибн Абдаллу ибн Сауда, он простил, и тот верно служил ему до конца жизни. Другие лидеры восстания бежали в Хиджаз, где шериф предоставил им убежище.

Эта история летела от оазиса к оазису, от племени к племени. Все должны были знать, как Абдель Азиз расправляется с предателями и как он справедлив к тем, кто ему предан.

Абдель Азиз основные государственные функции выполнял публично. В Эр-Рияде он садился на ступени своего дворца перед собранием гостей, горожан, простых бедуинов. На бивуаках он сидел у входа в палатку или же у мечети в тех селениях, где не было ни дворцов, ни крепостей. Его окружали местные шейхи, личная охрана из лучших воинов и преданных африканских рабов. Все они были вооружены саблями и пистолетами, некоторые – винтовками, кое у кого из рабов были тяжелые палки. Рабы выполняли и функции палачей.

Эр-риядский эмир разбирал споры из-за колодцев и пастбищ, племенных границ, распределения воды, собственности на верблюдов, обвинения в грабежах, иски о возмещении ущерба от полученных в драках ран. Каждый имел право обратиться непосредственно к нему. Иногда он был снисходительным и щедрым, иногда – жестким, легко вспыхивал, если слышал несправедливые или неаргументированные возражения. Он правил суд на основе шариата, но при этом учитывал и традиционное племенное право. Он имел власть над жизнью и смертью. Не было ни адвокатов, ни юристов, никто не знал об их существовании и не хотел знать. Он слушал доказательства двух сторон и принимал решения. Если он решал, что воровство доказано, виновному тут же отрубали руку и опускали обрубок в кипящее масло, чтобы прекратить кровотечение, потом всем присутствующим эту отрубленную руку демонстрировали.

Бывали случаи, когда родственники убитого обращались к нему с требованием наказать убийцу. Абдель Азиз мог приказать казнить убийцу, но не последует ли далее цепочка кровной мести? По обычаю страны можно было заплатить выкуп, чтобы не усугублять кровную месть между племенами и кланами, и он, как правило, назначал в таких случаях выкуп, и это решение принималось обеими сторонами.

Обо всех действиях и решениях правителя судили люди, которые разносили рассказы о нем по всей стране. Он должен был принимать решения быстро, быть справедливым и, если надо, жестоким. Он не мог спрятаться за государственную машину, которой еще просто не было, не мог создавать иллюзию мудрости. Он был и правителем, и военачальником, и судьей. Если бы он колебался, демонстрировал незнание шариата и обычаев или был несправедлив, то его не уважали бы как правителя, при первой возможности отказывались бы платить налоги и, самое главное, посылать воинов для участия в его походах. Он был абсолютным автократом. Но он был автократом по воле своего народа, который не знал, не хотел знать и не представлял себе другого типа правления.

В каждый город и оазис он назначал наместников, которые обеспечивали безопасность, собирали налоги и были готовы выставить воинов по его требованию. Обычно он выбирал их из представителей местной знати, если они не были его традиционными врагами. Иногда, если местная знать была настроена враждебно, он посылал из Эр-Рияда своего ставленника с сильной охраной.

Он подбирал местных правителей с большим вниманием, оценивая их характер и способности и хорошо зная, как действовать: или протягивать щедрую руку, или использовать железный кулак.

Когда он посещал какой-нибудь город или оазис, он виделся не только с правителем, но и со всеми нотаблями. Он вместе с ними молился, пил кофе, обсуждал местные проблемы, расспрашивал о делах, раздавал подарки. К неумелым, нечестным и особенно к нелояльным наместникам он не знал жалости.

Абдель Азиз связывал правителей и шейхов племен круговой порукой. Они нередко соперничали и с удовольствием доносили друг на друга. Он хорошо знал, кто с кем дружит, кто с кем состоит в родстве или кровной вражде, причины их ссор и соперничества. В случае необходимости он играл на их противоречиях. Мало того, из Эр-Рияда направлялись религиозные проповедники и их ученики, которые считали себя хранителями чистоты ислама и доносили в Эр-Рияд каждый раз, когда видели отступление от религиозной практики или нелояльность к правителю.

В начале второго десятилетия XX в. над эмиратом сгущалась опасность. Хотя Османская империя была слаба, она не отказывалась от своих аравийских владений. Достраивалась железная дорога в Медину. Турки давали деньги Джебель-Шамару, племенам, враждебным Абдель Азизу, – мутейрам и аджманам. Ходили слухи, что в Багдаде собиралось войско для вторжения в Аравию.

Но начались Балканские войны. Турки потерпели поражение от итальянцев в Ливии. Болгары наступали на Стамбул. В этой обстановке контроль над ничем не значащим куском пустыни для турок был второстепенным делом. Они перебрасывали войска даже из Эль-Хасы, даже из Месопотамии, чтобы сосредоточить их там, где возникла наибольшая опасность. Тогда Абдель Азиз увидел свой шанс выйти к Персидскому заливу и захватить Эль-Хасу.

Эта провинция постоянно притягивала к себе внимание правителей Эр-Рияда. Дело было не только в том, что они считали ее своей законной вотчиной. Богатые оазисы Эль-Хасы и таможенные доходы могли укрепить финансовое положение Ааль Саудов. Эр-Риядскому эмирату нужен был выход к морю. Но правитель Неджда по опыту жизни в Кувейте знал, что главная сила в Персидском заливе – англичане, и начиная с 1903 г. он делал попытки установить с ними дружественные связи.

В начале 1912 г. Высокая Порта, занятая войной в Европе, пыталась получить поддержку от своих отдаленных аравийских провинций или обеспечить их нейтралитет. К Абдель Азизу была послана делегация, которая вела речь, в частности, о направлении недждийских войск для поддержки турецкого гарнизона в Эль-Хасе. Правитель Неджда почувствовал, что скоро Эль-Хаса, как созревший плод, упадет ему в руки.

Население Эль-Хасы, измученное турецкими вымогательствами и гнетом, смотрело на недждийцев как на избавителей. Еще в 1903 г. российский консул в Басре писал, что османский мютесарриф в Эль-Хасе «своим самоуправством и лихоимством довел арабское население санджака до изнеможения».

«Власть турок над Эль-Хасой была призрачной, – доносило российское консульство в Басре. – В первых числах мая Ибн Сауд, собрав около 8 тыс. хорошо вооруженных арабов, внезапно вторгся в Эль-Хасу и произвел нападение на Хуффу. Большого труда ему овладеть городом не представляло»².

Опять-таки очень мудро Абдель Азиз решил не антагонизировать турок окончательно. Он разрешил эвакуировать их гарнизоны из Эль-Хасы с оружием и согласился чисто формально признать сюзеренитет султана.

Присоединение Эль-Хасы резко усилило позиции правителя Неджда. Он получил два порта в районе Персидского залива и доходы от местных таможен. Но Абдель Азиз понимал ограниченность своих возможностей. Он уже достиг большого успеха. На западе лежал Хиджаз, где правил шериф Хусейн, который был его врагом и пока что опирался на турок. Он все еще называл шейха Кувейта Мубарака «отцом», просил его советов, но знал, что старый лис действует против него. Он не нападал на шаммаров, потому что знал их военную силу и способность сопротивляться, их готовность ударить, если его хватка над Недждом ослабеет.

Нужна была сила, консолидирующая всех его подданных. Сила духа, сила религии, идеалы, которые объединили бы и кочевников, и оседлых. Абдель Азиз должен был объединить

людей на основе религиозного рвения и пыла. Для этого надо было быть строгим и отдавать себя только вере, только молитве.

Кто знает, у кого в голове впервые появилась идея бедуинских поселений-хиджр, жители которых стали считать себя братьями-«ихванами». Может быть, у самого Абдель Азиза, может быть, у его отца, но, скорее всего, у его тестя Абдаллы ибн Абдель Латыфа. Духовными отцами ихванизма считаются именно Абдалла ибн Абдель Латыф из семьи Ааль аш-Шейха, кади Эль-Хасы шейх Иса и некий Абдель Керим аль-Магриби, который прибыл в Аравию примерно на рубеже века и поселился в районе будущей хиджры Эль-Артавия. Если бедуины под руководством Абдель Азиза не могли больше совершать грабительские набеги, они должны были иметь более или менее постоянные источники доходов.

Этим источником должно было стать оседлое земледелие, а «братство» в служении Аллаху должно было стать важнее племенной преданности.

Помимо строгого соблюдения пяти основных положений ислама к ихванам предъявлялись требования быть преданными своим «братьям», подчиняться эмиру-имаму, всячески помогать друг другу, а также отказываться от общения с европейцами и жителями управляемых ими стран.

Точная дата основания первой колонии Эль-Артавия неизвестна, но она, видимо, появилась в первую половину 1913 г.

Некоторые члены племени мутейр добровольно продали часть своих верблюдов и лагерного снаряжения, необходимого для поддержания бедуинского образа жизни, на рынках в Кувейте. Они поселились в районе Эль-Артавии и стали строить жилища, решив посвятить себя исключительно земледелию и изучению единобожия.

Традиционные узы родоплеменной взаимопомощи преобразовались во взаимопомощь ихванов: если кто-либо из них терял свое имущество в результате набега или падежа скота, «братья» организовывали сбор пожертвований в его пользу.

Абдель Азиз, поощряя оседлость, помогал ихванам деньгами, семенами, сельскохозяйственными орудиями, материалом для строительства мечетей, школ и поселений, а также посылал им религиозных учителей – мутава. Кроме того, он обеспечивал воинов оружием и снаряжением для «защиты религии».

Эмиры хиджр, приезжая со свитой к Абдель Азизу не менее раза в год, получали от него денежное пособие и другие подарки, пользовались его гостеприимством. Имена эмиров регистрировались в специальных книгах, и размер пособия определялся в зависимости от их заслуг и численности последователей. Ежегодное вознаграждение получали ихваны – воины, занесенные в реестровые книги в канцелярии правителя Неджда. В качестве разового пособия по отдельным просьбам выдавались деньги на покупку продовольствия, скота или покрытие долга, на свадьбу или строительство дома.

Формальным условием для принятия в хиджру был отказ от обычаев и норм племенного образа жизни. Однако это требование на практике не соблюдалось, и в хиджрах селились в основном на племенной основе. Поселения ихванов фактически стали ставками шейхов крупнейших племен. Фейсал Ааль Давиш из мутайров обосновался в Эль-Артавии, Ибн Биджад из атайбов – в Эль-Гатгате, Ибн Нухайт из харбов – в Духне и Ибн Джибриль и Ибн Сунайян из шаммаров – в Эль-Аджфаре.

Религиозный пыл ихванов должен был направляться на поклонение Аллаху и, естественно, на службу его представителей на земле. Их религиозное и светское рвение должно было вознаграждаться, как и раньше, военной добычей, но не в виде межплеменных рейдов и грабежей на дорогах, а в войне с «многобожниками». Хозяйственная и социальная необходимость в оседании кочевников и в переходе к земледелию сочеталась с религиозным рвением и военными потребностями, но эти задачи могли противоречить друг другу, и некоторые хиджры распадались.

Новообращенные, как правило, были более фанатичными, чем старые последователи религии. Ихваны стали считать себя выше всех мусульман; все остальные были достойны презрения. Даже внешним видом они стали отличаться от других, красить бороды хной, укоротили свои белые дишдаши так, что они чуть покрывали колени.

Ихваны сделали «белым ужасом» Аравии. С их помощью Абдель Азиз уже к началу 20-х гг. XX в. в основном сломил сопротивление самых сильных бедуинских племен и установил в стране «беспрецедентный», по выражению Дж. Филби, порядок, или же, как называли новый режим бедуины, «время намордника». Старинные привилегии шейхских домов – освобождение от уплаты закята, взимание налога-хувы с более слабых соседей – были отменены, хотя и сохранились в других формах и в ограниченных масштабах.

Ихваны считали «многобожниками» всех, кто к ним не присоединился, – как жителей оазисов и городов, так и кочевников. Во имя обновленной религии члены «братства» совершали немало жестокостей, но их фанатизм усиливал боеспособность войска Абдель Азиза.

Но он сам никогда не был фанатиком. Он прагматически использовал ихванское движение в своих целях, умело обходя его крайности.

Подросток Фейсал узнавал о военных и политических успехах отца, слушая рассказы о его походах и битвах, присутствуя на маджлисах, наблюдая, как отец подчиняет, мирит, наказывает или щедро одаривает бедуинские племена. Но свою дипломатию Абдель Азиз лишь дозированно раскрывал и подданным, и улемам, и даже самому ближайшему окружению, понимая, что их реакция не всегда может соответствовать требованиям политической целесообразности.

Уроки, усвоенные им в Кувейте, при дворе виртуоза аравийской дипломатии Мубарака, не прошли даром. Прежде всего он понял, что независимость от Порты может быть достигнута на путях чередования военной конфронтации – предпочтительно не с самими турками, а с их вассалами – и политических средств – декларативного признания сюзеренитета султана, принятия османских титулов, вывешивания османских флагов. Но для закрепления завоеваний ему необходимо было обеспечить взаимопонимание с другой великой державой – Британской империей. Британский протекторат был предпочтительнее тяжелой руки турок. Англичане сначала избегали прямых контактов с ним, не желая вмешиваться в дела Центральной Аравии, а после завоевания им Эль-Хасы не хотели превращать свои контакты в конкретные обязательства.

Европа шла к Первой мировой войне. Лондон пытался выбить из возможной враждебной коалиции Османскую империю и не собирался ссориться со Стамбулом из-за далекого, нищего, третьестепенного аравийского княжества. Поэтому англичане уходили от заключения с Абдель Азизом формального договора, к которому он стремился. По соглашению 1913 г. между Лондоном и Стамбулом, большая часть эмирата Абдель Азиза осталась под сюзеренитетом Османской империи, так как она находилась севернее прямой «зеленой линии», проложенной между аденскими протекторатами и Катаром, которая разграничивала британские и османские владения. Ничего не зная о тайном сговоре за его спиной, Абдель Азиз нащупал гениальное решение – в мае 1914 г. он подписал договор с турками, который признавал его наследственным правителем (вали) Неджда и Эль-Хасы, о чем был издан фирман (декрет) султана 8 июля 1914 г., и возлагал на него формальные обязательства военной помощи османам в случае их войны с другими странами. Англичане узнали об этом соглашении, только оккупировав в 1914 г. Басру и разобрав там османские архивы.

С началом военных операций против Османской империи первоочередными задачами Великобритании стали сохранение контроля над Египтом, Суэцким каналом и Красным морем, а также захват плацдарма в низовьях Тигра и Евфрата, чтобы гарантировать нефтяные месторождения в Иране от возможного турецко-германского вторжения. Первое достигалось

присутствием английских войск в Египте и их контролем над подступами к каналу со стороны Синай, а второе – с помощью экспедиционного корпуса в Месопотамии.

Британские войска высадились в Басре и начали продвижение к Багдаду. Территория Хиджаза вплоть до Йемена достаточно жестко контролировалась турками. Джебель-Шаммар был их союзником. Естественно, что англичане постарались заручиться поддержкой Абдель Азиза. Как накануне, так и после начала войны к нему приезжали турецкие и германские эмиссары, уговаривая выступить на стороне Порты. Одновременно он поддерживал хорошие отношения с английским политическим агентом в Кувейте Шекспиром.

Война драматически изменила отношения в саудовско-османско-британском треугольнике. Задача прикрыть фланг своей месопотамской армии, сковать какую-то часть турецких войск активными действиями недждийцев, нейтрализовать вооруженный турками Джебель-Шаммар, прервать снабжение турецких гарнизонов в Хиджазе – все это подтолкнуло англичан к формализации отношений с Абдель Азизом. Английский политический агент в Кувейте капитан Шекспир, ранее установивший дружественные личные отношения с Абдель Азизом, настоял на его выступлении против турецких вассалов – шаммаров.

Сражение с шаммарами при Джиробе продолжалось несколько дней в конце января 1915 г. По одним данным, погиб только сам капитан У. Шекспир, по другим данным, стороны потеряли по сотне человек. Аджманы, выступившие вместе с Абдель Азизом, в решающий момент изменили, и он потерпел неудачу. Воины Абдель Азиза, находившиеся под сильным влиянием ихванских настроений, шли в бой со своими воинскими кличами. Шаммары, составлявшие основу войска правителя Хаиля, подбадривали себя боевыми кличами своего племени, которые выкрикивали сидевшие на верблюдах прекрасные девушки с распущенными волосами. Эти факты любопытны не только как экзотический эпизод Первой мировой войны, которая велась в Европе с применением артиллерии, отравляющих газов, самолетов, а затем и танков. В Аравии сам подбор боевых кличей показывал разную базу двух эмиратов: племенную – для Джебель-Шаммара и общеаравийскую, основанную на единобожии, принятом ихванами, – для Недждийского эмирата.

У Абдель Азиза было мало денег и мало людей. Племена же признавали только сильного и успешного правителя. При первых признаках слабости они были готовы его предать. Против него работали турецкие деньги, которые раздавали племенам. Аджманы во главе с шейхом Зейданом ибн Хисляйном уже поднялись против него. Но он не показывал никаких признаков слабости. Он излучал оптимизм, уверенность в себе и на людях бил палкой всех, кто приносил ему дурные новости. Хотя наедине он внимательно выслушивал все сообщения, чтобы рассчитать свои действия. Он объявил, что будет атаковать Джебель-Шаммар. Это был блеф, но блеф сработал.

Нужно было договориться с англичанами.

Не зная, каков будет итог войны, но будучи осведомленным о поражениях британских войск в Месопотамии в первые полтора года войны, Абдель Азиз ни разу не выступил непосредственно против турок. Кто мог предсказать исход войны? Останься он под властью турок, их месть была бы ужасной.

Правитель Неджда понял, что в условиях войны англичане нуждаются в нем больше, чем он в них, поэтому смог выторговать лучшие для себя условия давно желанного договора. Наконец 26 декабря 1915 г. в селении Дарин он подписал его с английским политическим советником при британских войсках в Месопотамии, своим старым знакомым Перси Коксом. Изучение документов показывает, как внимательно и квалифицированно Абдель Азиз подходил к каждому пункту договора и как умело он отстаивал свои позиции, не допуская формулировок, которые предоставляли бы свободу рук англичанам.

Кокс и Абдель Азиз скрепили своими подписями договор, в котором британское правительство признавало его и его наследников «правителями Неджда, Эль-Хасы, Катифа и

Джубейля и городов и портов, принадлежащих им», а также племен. Договор был ратифицирован вице-королем Индии 18 июля 1916 г. Осуществились две старые долгосрочные цели Абдель Азиза: признание его наследственным правителем Неджда и обязательство британской помощи. Он уступал англичанам право на международные связи и обязался не предоставлять концессий на своей территории никому, кроме англичан. Тогда оба этих пункта не имели для него значения. Договор был первым юридическим документом, подтверждавшим новый международный статус саудовского государства.

Накануне заключения договора англичане сделали эмиру Эр-Рияда подарок – тысячу винтовок и 20 тыс. фунтов стерлингов – и разрешили ему закупать военное снаряжение на Бахрейне.

Тем временем тайные переговоры англичан с шерифом Мекки Хусейном привели к арабскому восстанию против турок, которое началось 5 июня 1916 г. И международный вес шерифа – потомка пророка, и его связи с арабскими националистами, и возможность сковать восстанием четыре турецкие дивизии от Маана до Саны – все это предопределило выбор Хусейна главным английским союзником в Аравии.

Абдель Азиз оказался окруженным врагами с трех сторон: с запада – союзным с англичанами шерифом, с севера – османским вассалом Джебель-Шаммаром, с востока и севера – восставшим против него воинственным племенем аджман.

Абдель Азиз не забыл предательского поведения аджманов в битве при Джирабе.

Летом 1915 г., еще не подписав соглашения с англичанами, Абдель Азиз направился с небольшим войском в Эль-Хасу, где к нему присоединилось местное ополчение. Он настиг аджманов в мае – июне 1915 г. у Джебель-Канзана, но аджманы оказали упорное сопротивление. Недждийцы потеряли около 300 человек, включая брата эмира Саада, и сам Абдель Азиз был ранен.

Пуля попала в патронташ на его груди. Это спасло его, но патронташ взорвался, ему повредило ребра. Его воины бежали, и вместе с ними, как того требовала бедуинская тактика, бежал и он сам. Но он не пал духом.

После этой неудачи Абдель Азиз вынужден был скрыться за стенами цитадели Кут в городе Хуфуфе. Аджманы начали грабить соседние оазисы и осаждали Абдель Азиза примерно шесть месяцев – до сентября – октября 1915 г. Им помогали и некоторые местные эмиры, и «араифы». Помощь им поступала также из Хаиля. Абдель Азизу его отец послал подкрепление под командованием своего второго сына Мухаммеда.

Мубараку нужен был ослабленный, но не разгромленный аджманами Абдель Азиз. Опасаясь их успеха, он послал ему на помощь своего сына Салима.

Снова произошло сражение против аджманов. Абдель Азиз участвовал в нем, возвышаясь над всеми. Пуля попала ему в бедро, и он упал. Воспользовавшись неразберихой, аджманы бежали. И тогда, в какой-то момент сражения, сын Мубарака Салим присоединился к ним. Отец дал ему наказ: если побеждают аджманы – помогать эмиру Неджда, если побеждает он – поддерживать аджманов.

В стане Абдель Азиза распространилось уныние. Эмир был ранен, значит, он не мог больше командовать. Тогда, чтобы доказать, что он в форме, что он сильный мужчина, он призвал шейха соседнего оазиса и потребовал найти ему девушку, чтобы немедленно жениться. Той же ночью состоялась свадебная церемония, и он мог доказать свою мужскую силу, хотя был тяжело ранен. Весь лагерь радовался этой его победе. Им восхищались.

Упадок духа прошел. Их вел гигант, который показал себя настоящим мужчиной с молодой женой, даже когда был ранен. Последовали новые схватки с аджманами.

Салим откочевал в Кувейт, узнав о смерти своего отца шейха Мубарака в январе 1916 г. Шейхом Кувейта стал Джабир ибн Мубарак – друг Абдель Азиза.

Весь 1916 г. Абдель Азиз воевал против аджманов. Были забыты старинные правила войны в пустыне, разрушались колодцы, срубались пальмы. Ненависть была такая, что в войне принимали участие и женщины, которые добивали раненых мужчин противника. Абдель Азиз умел двигаться быстрее своих врагов. Он был лучшим военачальником, более дальнзорким лидером. Он беспощадно расправлялся с аджманами до тех пор, пока Зейдан ибн Хисляйн не бежал из Эль-Хасы в Кувейт.

Абдель Азиз поддерживал связи с османским губернатором и главнокомандующим турецкими войсками, действующими в окрестностях Медины. За звонкую монету он снабжал турок верблюдами.

20 ноября 1916 г. Перси Кокс организовал в Кувейте так называемый «великий дурбар» – совет, на котором встретились Абдель Азиз, шейх Кувейта Джабир и шейх селения Мохаммары Хазаль.

Именно тогда Абдель Азиз сделал свой театральный жест, передав англичанам конфискованные им 700 верблюдов, предназначенных для турок.

После «великого дурбара» Абдель Азиз посетил Басру, где англичане показали ему современное вооружение и где он впервые увидел самолеты. Сдержанный на слова эмир не высказал своего восхищения, но надо полагать, что военная техника произвела на него впечатление.

Единственное, чего Абдель Азиз не мог понять, как женщина – Гертруда Белл, которая его сопровождала, могла представлять британскую армию.

К концу 1917 г. он восстановил свой контроль над Недждом и Эль-Хасой и смог оглядеться.

Британская армия, двигавшаяся на Багдад, была окружена близ Кута и полностью захвачена в плен. Но англичане перебросили подкрепление, и новая британская армия захватила Багдад и стала двигаться на Мосул. Из Египта другая британская армия отбила наступление турок на Суэцкий канал и под командованием генерала Алленби стала продвигаться на север, в Палестину.

Англичане стали выдавать шерифу Хусейну в качестве субсидии 20 тыс. золотых фунтов в месяц, а также оружие и боеприпасы. Однако не так просто было справиться с турками, и по всей линии от Маана через Медину и до Йемена они продержались всю войну, хотя арабское восстание сковало на два года их четыре дивизии.

Даже пробританский нейтралитет Абдель Азиза при отсутствии его активных действий отвечал английским интересам. В любом случае он оттягивал на себя часть сил Джебель-Шаммара. Поэтому с 1 января 1917 г. он стал получать на постоянной основе ежемесячную субсидию в размере 5 тыс. фунтов стерлингов. Продолжая делать ставку на шерифа Хусейна, англичане стали понимать, что ответственность за обострение хиджаско-недждийских разногласий лежит на правителе Хиджаза. Они признали его королем Хиджаза, но отнюдь не «королем арабских стран» и вручили ему копию британско-саудовского договора, который он должен был уважать. Это не помешало Хусейну, используя английские субсидии, перекупать лояльность племен, живших между Недждом и Хиджазом, что вызывало величайшее раздражение Абдель Азиза.

Среди тех, кого англичане послали из Каира на связь с Хусейном, был капитан Томас Эдвард Лоуренс, который вряд ли выделялся чем-то среди других офицеров связи и разведки. Но, обладая большими литературными способностями, он после войны написал книгу «Семь столпов мудрости», прославился и стал национальным героем Англии.

Благодаря его личности интерес к арабскому восстанию против турок непропорционально велик в западноевропейской и американской литературе, как исторической, так и художественной. Он прибыл к шерифу Мекки в октябре 1916 г., встретился с его сыном Абдаллой, затем с другим сыном – Фейсалом. После взятия у турок мелких городов на побережье Крас-

ного моря бедуинские отряды направились на север Хиджаза, чтобы захватить порт Акабу. В важном бою против турок на подступах к Акабе, когда дело решил храбрый и способный бедуинский вождь, сам Т. Лоуренс был в невменяемом состоянии, беспорядочно стрелял, убил выстрелом в голову своего собственного верблюда и упал без сознания. Затем действия арабских войск ограничивались операциями против турок к востоку от реки Иордан и диверсиями на железной дороге, в которых Т. Лоуренс активно участвовал. Восстание арабов способствовало успеху союзников и сохранило жизнь многим британским солдатам. Но арабы погибали фактически ради того, чтобы колонизаторы потом поделили их страны между собой. Т. Лоуренс знал об этом. «Так как я не был круглым дураком, то я понимал, что если мы выиграем войну, то обещания арабам станут обыкновенным клочком бумаги, – писал он. – Если бы я был честным, я должен был бы отослать моих людей домой и не позволять им рисковать своей жизнью ради таких обещаний. Но арабское вдохновение было нашим главным орудием, чтобы выиграть войну на Востоке. Поэтому я заверял их, что Англия сдержит и букву, и дух своего слова... Но, конечно... я постоянно испытывал горечь и стыд»³.

Среди арабов Лоуренс уважением не пользовался. Вот как они его оценивали: «На английское золото он купил арабскую кровь, а затем сочинил историю, которая является ложью».

«Арабы ставили невысоко позера Лоуренса, – писал голландский арабист и дипломат Даниэл ван дер Мелен. – Лоуренс был наивен. Он был очень способным человеком, но не совсем зрелым человеком. Для него Аравия была приключением. Аравия, бедуины, партизанская война в пустыне верхом на верблюде – это был для него вид спорта, проверка стойкости. У него было вдохновение артиста, мужество настоящего лидера. Но за ним не стояло трезвое убеждение зрелого ума. Он хотел отряхнуть пыль Аравии со своих ног навсегда, но арабская пыль навсегда пристала к нему, к его душе. Он пытался избавиться от нее, чтобы забыть и быть забытым.

Он отказался от своего имени, отказался от своей славы и исчез в королевских ВВС под другим именем. Он вернул правительству свои награды. Он искал забвения в шуме моторов и в опьянении скоростью. Кончилось тем, что погиб, мчась на своем мотоцикле. Он пытался забыть Аравию, но не мог. Он стал жертвой своего собственного разочарования»⁴.

В 1918 г. война еще шла в Европе и на Ближнем Востоке. Англичане нуждались в любых союзниках, потому что Россия после двух революций вышла из войны. Хотя американский экспедиционный корпус попал на фронт в начале 1918 г., положение Антанты до ее контрнаступления в июле 1918 г. было тяжелым. Англичане решили подтолкнуть Абдель Азиза к более активным действиям. На встречу с ним была послана делегация из Багдада, которую возглавил Джон Филби.

Джон Филби (полное имя Гарри Сент-Джон Бриджер Филби) родился на Цейлоне – тогдашней британской колонии – в семье чайного плантатора. Учился в Кембридже, служил в Пенджабе и Кашмире, провинциях Британской Индии, был представителем оригинальной культуры Британской империи XIX – начала XX в. Амбициозный чиновник и одновременно ученый, знаток азиатских и европейских языков, общительный малый, но с каким-то особым диссидентским настроением. Со временем он стал знаменитым в кругах арабистов и тех, кто интересуется Ближним Востоком, а после смерти – как отец Кима Филби, достигшего больших высот в британской секретной службе и в то же время бывшего «суперагентом» советской внешней разведки в Англии и в США во время и после Второй мировой войны.

Миссия Филби в Аравии заключалась в том, чтобы убедить Абдель Азиза не нападать на его врага Хусейна, шерифа Мекки, используя английское оружие и золото, а подтолкнуть его на военные действия против Джебель-Шаммара.

Когда Филби познакомился с Абдель Азизом, он был настолько покорен его личностью, что подружился с ним и остался верен ему в течение последующих 35 лет.

Будучи вечным диссидентом, он категорически осудил колониальную политику Англии, после войны вышел в отставку и затем предпочел работать на американскую нефтяную компанию. Но об этом – позднее.

Филби, конечно, не артист и никогда не пытался быть таким, отмечал ван дер Мелен. Но он почувствовал возможность реализации в Аравии своих амбиций. Он сделал выбор, он решил посвятить себя этой земле. Аравия должна была удовлетворить его честолюбие, а Абдель Азиз был человеком, который должен был открыть для него путь к славе.

Он хотел жить не так, как другие, а согласно своим вкусам и идеям. Аравия предоставляла ему эти возможности. В центре пустыни он встретил человека, который стал великим, потому что он решился быть самим собой, сражаться в одиночку, бросить вызов судьбе, веря в свое призвание и в то, что он был вестом свыше. Филби вряд ли был глубоко верующим, хотя позднее принял ислам и стал Абдаллой Филби. Его пожирала амбиция. И он был готов пожертвовать всем, чтобы его имя было неразрывно связано с Аравией. Филби был человеком полным противоречий, что затрудняло его оценку. У него не было настоящих друзей, но было много врагов. Мало было тех, кто понимал, что это был человек, который не мог найти мира с самим собой. Он был предан Аравии, но был слишком европейцем, слишком англичанином, чтобы стать чистым арабиком.

И прямо, и косвенно его жизнь была связана с героем нашего повествования – Фейсалом.

Абдель Азиз принял англичан в Эр-Рияде, несмотря на ворчание ихванов и улемов, недовольных появлением «неверных» в своей столице. Англичане подталкивали его на военные действия против Джебель-Шаммара. Но турки ему уже не угрожали. Помогать англичанам означало помогать его врагу Хусейну. Всю войну он избегал военных действий, продавая верблюдов и лошадей и тем и другим.

В 1917 г. Абдель Азиз был в расцвете сил. Воспользуюсь здесь портретом, сделанным Г. Армстронгом. Абдель Азиз был гигант с красивой головой, которая сидела на широких плечах. Он вел себя со спокойным достоинством, как человек, который привык, чтобы ему подчинялись, и который имел право требовать подчинения. У него были карие глаза, полные света. Хотя он часто скрывал свои чувства, глаза выдавали его настроение. Они были проникновенные и умные, когда он вникал в какое-то дело и присматривался к человеку, они были вежливые и улыбающиеся, когда он был доволен. Они были свирепые, когда он сердился.

У него был высокий и широкий лоб, его черты были твердо очерчены, крупный нос был такой, что в профиль он походил на нервного, энергичного орла. Короткие усы и коротко подстриженная борода. Он ходил широким шагом. Крупный и тяжелый для арабских лошадей, он тем не менее был великолепным наездником.

Он пользовался духами и не терпел грязи. Особенно он любил духи с запахом розы. Но он был очень чувствителен к неприятным запахам. Однажды в жаркий день он сидел с турецким пашой, обсуждая важные дела. А его гость перед этим ел чеснок и лук и курил. Эмир не выдержал, вызвал слуг, чтобы те благовонными курениями устранили неприятный запах в комнате. Когда гость ушел, Абдель Азиз взорвался: «Паша!.. Это же не паша, а дворник, выносящий помой!» – воскликнул он, обрызгивая себя духами⁵.

Английская арабистка Гертруда Белл в книге «Арабская война» оставила литературный портрет Абдель Азиза: «У него были тонкие руки с нежными пальцами – черта, распространенная среди племен чисто арабской крови. Несмотря на свой высокий рост и широкие плечи, он производил впечатление утомленного человека, но это была не связанная с делами усталость, не личная, а присущая характеру древнего, мало общавшегося с другими народа, который столь много тратил своих жизненных сил и столь мало энергии черпал за пределами своих непреодолимых границ. Его неторопливые движения, его медленная приятная улыбка, его глаза, смотрящие с раздумьем из-под тяжелых век, – все это добавляло к его достоинству еще и очарование, но не согласовывалось с западной концепцией активной личности. Тем не менее рас-

сказы о нем говорят о его физической выносливости, редкой даже в Аравии с ее тяжелыми условиями»⁶.

Его еда была простой. По утрам он ел несколько небольших лепешек с кислым молоком, на обед – рис и мясо, хлеб и немного фиников, то же – на ужин. Весь день он пил кофе и чай. И ничего больше, кроме воды.

Хотя ночи в Саудовской Аравии очень холодные, у него не было отопления в комнате и он никогда не брал жаровню в свой шатер.

Он работал очень быстро. У него была прекрасная память и умение концентрировать свое внимание на той или иной теме. Он мог диктовать разные послания сразу двум секретарям, прерывая предложения, поворачиваясь от одного к другому, иногда отвлекаясь на беседы с гостями. Затем он продолжал диктовать прерванное предложение.

Он, конечно, заботился о достойном эмира жилье. В Эр-Рияде он перестроил дворец, расширив его и окружив стеной. Перед дворцом была площадь, где можно было собрать до 3 тыс. человек.

Гостеприимство и щедрость были частью натуры Абдель Азиза и частью большой политики. Каждый день у него кормилось по крайней мере по тысяче человек, постоянно дымились котлы с рисом и бараниной, лежали горы лепешек и стояли чаши с кислым молоком. Из своих складов он раздавал одежду гостям в соответствии с их рангами. Он был бесконечно щедр. «Ни я, ни кто-либо из моих предков никогда не хранили сундук, чтобы набивать его деньгами, – говорил он. – Накопленные деньги не приносят добра... В мирное время я отдаю все, даже этот плащ, тому, кто в нем нуждается. Но на войне я требую от моих людей, чтобы они отдавали мне все, что есть у них»⁷.

Он был эмоционален и давал волю чувствам. Когда он взрывался, его гнев был ужасным, охватывал его всего, он весь содрогался от гнева. Но эмоциональный взрыв быстро проходил. Если он делал в гневе ошибки, то потом признавал их. Если он совершал какую-нибудь несправедливость, он старался тут же ее исправить.

Однако иногда его взрывы гнева были рассчитанными. Однажды Фахд аль-Джилуви ударил одного из его телохранителей. Фахд был самолюбивым молодым человеком, сыном любимого двоюродного брата, искренне преданного Абдель Азизу. Эмир вызвал юношу, а когда тот появился, то схватил палку, которой погоняют верблюдов, и жестоко поколотил двоюродного племянника, научив его уважать телохранителей правителя. Через минуту он уже спокойно сидел и беседовал с английскими гостями.

Абдель Азиза не раз ранили в боях, и раны давали о себе знать. Он нерегулярно питался, быстро ел и снова спешил к делам. Он загонял себя работой, постоянным напряжением, недосыпанием. Он никогда толком не отдыхал. Для того чтобы всегда быть в рабочей форме, он злоупотреблял лекарствами, но не хотел всерьез лечиться, вся его натура протестовала против болезней и лечения. И конечно, он пил слишком много кофе.

Но во времена и радости, и горя, взрывов гнева, болезней он всегда сохранял холодную голову. Он рассчитывал свои шаги, особенно дела государственной важности, чтобы принять правильное решение. Он был настоящим политическим лидером, и политическое чутье никогда ему не изменяло.

Когда эмир находился в Эр-Рияде, после вечерней молитвы он иногда собирал маджлис, чтобы обменяться мнениями со своими приближенными. После этого он посещал гарем и потом снова звал друзей в личные апартаменты. Там он мог говорить о людях, о лошадях, верблюдах, соколиной охоте, войне, женщинах, бывших битвах, религиозных проблемах. Он с удовольствием слушал рассказы иностранцев, которые посещали Эр-Рияд, и любил поговорить с ними о международной политике.

К весне 1918 г. Абдель Азиз твердо контролировал Неджд. Но требовалось большое искусство, чтобы избежать столкновений с окружавшими его врагами. Салим Ааль Сабах, став-

ший правителем Кувейта после смерти Джабира, хотя и клялся в преданности англичанам, тайком торговал с турками и интриговал против эмира Неджда. Правители Хаиля вели себя спокойно, они боялись на него нападать, но всегда были готовы к удару. Они тоже торговали с турками по договоренности с Салимом. Абдель Азиз ненавидел Салима за его предательство во время битвы с аджманами и пресекал контрабандную торговлю кувейтцев, а шейх Кувейта захватывал его людей в своей стране.

Тем временем шериф Хусейн провозгласил себя королем арабских стран и направил письмо Абдель Азизу, требуя признать его новый титул и отказаться от сюзеренитета над племенем атейба, которое жило между Недждом и Хиджазом. Эр-риядский эмир выразил протест и потребовал определить границы между Недждом и Хиджазом и договориться, кому будут подчинены пограничные кочевые племена. Хусейн, по словам недждийского летописца, якобы ответил ему: «Каких границ ты требуешь? Ты или сумасшедший, или пьяный»⁸. Эмир Неджда никогда не забыл этого оскорбления. Он предупредил англичан, что будет вынужден бороться против Хусейна.

С Хусейном назревало столкновение. Правитель пограничного оазиса Хурма Халид ибн Лювай, близкий к семье шерифа Хусейна ибн Али, присоединился к ихванам, выгнал представителей шерифа Мекки, отказался платить ему налоги и поставил себя под защиту Абдель Азиза. Это был важный торговый центр на пути между Недждом и Хиджазом. Жители Хурмы отбили атаку небольшого отряда, посланного Хусейном. Ихваны и улемы требовали военных действий против Хусейна, но прагматик Абдель Азиз выжидал, зная, что все не так просто. Рядом с ним находилась английская миссия во главе с Филби, которая требовала, чтобы он оставался верным договору с Англией и не нападал на английских союзников, а Хусейн был союзником Англии.

Все лето 1918 г. Абдель Азиз выжидал. Его агенты сообщали, что турецкие армии находятся на грани развала. Массовое дезертирство, полуголодное существование, болезни, нехватка оружия и боеприпасов – все это разлагало османские вооруженные силы. Англичане выигрывали войну.

И все же Абдель Азизу было трудно понять политику англичан. Он не атаковал их союзников. Но они защищали шейха Кувейта Салима, который поддерживал против него племя аджма-нов. Они просили его атаковать Джебель-Шаммар, но закрывали глаза на продажу кувейтцами оружия этому эмирату. Они не позволяли ему атаковать Хусейна, но давали Хусейну деньги и оружие, а с помощью этих денег он покупал лояльность пограничных племен и натравливал их против эмира Неджда.

Филби не мог объяснить ему, что во время войны различные английские ведомства – Министерство по делам Индии, Военное министерство, Министерство иностранных дел, Арабское бюро в Египте – действовали несогласованно и иногда находились во враждебных отношениях друг с другом. Индийский офис ориентировался на правителя Неджда. Арабское бюро в Египте поддерживало шерифа Хусейна и кормило его туманными обещаниями. Министерство иностранных дел в своей политике отталкивалось от соглашения с французами («договор Сайкс-Пико»), который предусматривал раздел арабских стран и перечеркивал все прежние английские обещания Хусейну и арабским националистам.

Но к апрелю 1918 г., когда уже был взят Иерусалим, англичане больше не нуждались в ликвидации Джебель-Шаммарского эмирата и теперь даже отказывались поставлять то, что Дж. Филби обещал в декабре 1917 г. Абдель Азиз был разочарован.

Однако Филби предложил из фонда, находившегося в его личном распоряжении, 20 тыс. фунтов, если эр-риядский эмир немедленно совершит поход на Хаиль. 5 августа 1918 г. началась кампания против Джебель-Шаммара, о которой Дж. Филби оставил подробный отчет. Мы уже писали об участии в этом походе мальчика Фейсала.

Абдель Азизу с большим трудом удалось уговорить ихванов и улемов поддержать его поход на Хаиль. Фейсал Ааль Давиш выступал за войну против Хусейна. Ихваны набирали силу, и их расположение нужно было вновь и вновь завоевывать. Абдель Азиз был великолепным оратором и смог убедить собравшихся, что нужно совершить экспедицию именно против Ибн Рашидов.

Эмир Неджда вновь разгромил шаммаров, но Хаиля взять не смог. У него была хорошая добыча – скот, оружие и даже золотая казна, которую они смогли перехватить. И ихваны, и его войско, и бедуинское ополчение – все были довольны.

Вслед за войной пришла пандемия «испанки» – страшного гриппа.

Зимой 1918/19 г. «испанка» унесла больше жертв, чем пало в сражениях Первой мировой войны. После гибели десятков миллионов людей словно сама природа или силы Аллаха мстили неразумным народам за эту бойню и добавили новые жертвы. Пандемия была столь опасной и приводила к столь быстрой смерти, что многим казалось – настал конец света. После появления первых признаков заболевания жертва умирала буквально через несколько часов. Легкие наполнялись кровью, и человек задыхался. Сейчас предполагают, что это был вариант того самого «птичьего гриппа», который и в наше время наводит ужас на целые материки. «Испанка» выбирала жертвы странным образом: от нее гибли молодые, здоровые люди, а не старики или дети, у которых была ослабленная иммунная система.

В 1918–1919 гг. от пандемии умерло 675 тыс. американцев. Из них 200 тыс. – лишь в октябре 1918 г., когда еще не кончилась война. А во всем мире «испанка» унесла от 30 до 40 млн жизней. В одной Индии погибло более 10 млн человек.

Тогда в Неджде только в городах и оазисах умерло около 25 тыс. оседлых жителей и неисчислимое число бедуинов. Почти в каждый дом пришла смерть. В семье эмира она лишила жизни его наследника, красавца и богатыря Турки, которым он гордился, и двух других его сыновей – Фахда, с которым дружил Фейсал, и пятилетнего Саада. В гареме она убила его любимую жену Джаухару.

Абдель Азиз к тому времени вступал в брак много раз, но Джа-ухара была единственной женой, которую он по-настоящему любил. Она была его двоюродной сестрой, и их женитьбу организовали его мать и мать Джаухары. Красивая и талантливая девушка вышла замуж, когда ей было 17 лет. Муж и жена нередко ссорились и даже разошлись на какое-то время, но потом Абдель Азиз восстановил брак с нею. Она была матерью двух его сыновей.

Всю свою жизнь Абдель Азиз наслаждался женщинами. Как женами и друзьями и как матерями его детей.

У него было много жен. Он гордился этим, потому что не нарушал никаких правил, предписанных исламом. «Я следую за Пророком, пусть мир будет на нем. То, что он одобряет, делаю и я. Пусть всегда у меня будет столько жен, сколько он позволил», – говорил он. Однажды в беседе с англичанином Робертом Белхейвеном он выразил удивление, что в просвещенной Англии позволяют внебрачные связи и разврат, и людей за это не наказывают. В пустыне за супружескую измену полагается смерть – побивание камнями. А вот в Англии за это никого не наказывают, но даже восхваляют в книгах и стихах. «А сколько женщин было у вас?» – спросил англичанин. «У меня всегда было четыре жены, так позволил Пророк», – ответил Абдель Азиз. «Но как много их у вас было и со сколькими вы разводились?» – «Я женился и разводился много раз, но, если пожелает Аллах, я женюсь и разведусь еще много раз».

Однажды он сказал Филби: «В своей жизни я имел много жен, и по милости Аллаха я продолжаю вступать в браки. Я еще молодой и сильный. А теперь из-за потерь мужчин на вашей войне (речь шла о Первой мировой войне. – А. В.) наверняка придет время, когда жители Европы будут столь мудрыми, что разрешат мужчинам брать более чем одну жену»⁹.

Он не мог понять мужчину, у которого была только одна жена. Это было что-то противоестественное. Этот мужчина был достоин презрения. Его надо было пожалеть. Он должен был пойти к докторам и вылечиться.

Абдель Азиз жил строго по заповедям, изложенным Пророком. Христос не дал никаких инструкций по поводу количества жен для мужчин-христиан, а Мухаммед, «печать пророков», передал слова Аллаха: «Женитесь на них, что приятны вам, женщинах – и двух, и трех, и четырех»¹⁰.

Обычно Абдель Азиз сохранял трех жен, четвертое место оставлял свободным, чтобы его заполнить, когда хотел, особенно в походах или даже на охоте. Если не было свободного места, а ему надо было жениться, то он разводился с одной из четырех жен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.